

АЙН РЭНД

ИСТОК

Сокращенный перевод с английского Г. Морозовой.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ФРАНКУ О'КОННОРУ НЬЮ-ЙОРК, 1943.

Часть 1. Питер Китинг.

Говард Роурк смеялся.

Он стоял обнаженный на краю утеса. Далеко внизу лежало озеро. Отсюда оно казалось тонким стальным кольцом. А вокруг были скалы.

С этой высоты казалось, что вода недвижна, а скалы вокруг плывут.

Небо отражалось в воде, и создавалось впечатление, что скалы начинаются и кончаются в небе.

Его тело состояло из длинных прямых линий и углов, каждый изгиб переходил в плоскость. У него было скуластое худое лицо со впалыми щеками и серыми холодными глазами. Рот был презрительно сжат. Это был рот экзекутора или святого. Ветер развеивал его волосы странного цвета. Они были не русые и не рыжие, а цвета спелого апельсина.

Он смеялся над тем, что произошло с ним сегодня утром и над всем тем, что ему предстояло перенести. Он знал, что ему будет трудно, но надо решить много важных вопросов, что ему надо о многом подумать. Но он знал, что он не будет думать об этом, что план созрел уже явно, и ему хотелось смеяться.

Он посмотрел на гранитные скалы. И представил себе, как надо их разрезать и превратить в стены. Он смотрел на дерево. И представлял, как оно превратится в стропила. Он смотрел на полосу ржавчины на камне. И представлял себе, как руда плавится и превращается в балки. Эти скалы, думал он, ждут меня. Они ждут ту форму, которую я им дам.

Потом он вспомнил, что ему надо спешить. Он шагнул к краю утеса, и поднял руки и нырнул в небо, находившееся внизу. Он быстро плыл через озеро к берегу, где лежала его одежда – старые брюки, сандалии, рубашка на которой не хватало нескольких пуговиц. Одевшись, он с сожалением посмотрел на озеро. Он приходил сюда регулярно все три года своих занятий на Архитектурном факультете Стантонского технологического института. Собственно, купание было единственной формой его отдыха. Но сегодня он пришел сюда в последний раз – утром этого дня он был исключен из института.

Все это время, пока он учился, он снимал комнату у матери Питера Китинга, своего товарища по институту. Питер был на два года старше Говарда. На своем курсе он был первым учеником, в этот день он закончил институт и получил самое лучшее распределение.

Когда, искупавшись, Говард вернулся к Китингам, миссис Китинг сообщила ему, что его вызывает к себе декан. К её удивлению эта новость ничуть не взволновала Говарда. Поблагодарив её, он поднялся в свою комнату и стал упаковывать свои вещи. Он начал с рисунков и чертежей. Рисунки представляли собой эскизы зданий. Таких зданий еще не было на земле. Как будто это было первое здание, построенное первым человеком на земле. И этот человек не знал, что здания можно строить по-другому. Эти здания были не в классическом стиле, не в готическом стиле и не в стиле Ренессанса. Они были в стиле Говарда Роурка.

Один из эскизов привлек его внимание. Он никогда ему не нравился, но раньше он не мог понять, почему. Сейчас он вдруг увидел ошибку. И с увлечением принялся за ее исправление. Он совершенно забыл о предстоящем визите к декану. Через час он услышал стук в дверь.

– Войдите, – сказал он, не поднимая головы от стола.

На пороге стояла м-с Китинг.

– М-р Роурк! – воскликнула она, – Что вы делаете? Вас же ждет декан!

– О! – сказал Роурк, удивленный её удивлением. – Я забыл. Я сейчас иду. – Неужели вы собираетесь идти в таком виде?

– Да. А что?

– Ведь это же ваш декан!

– Уже не мой, – ответил он, и ей показалось, что голос звучит так, как будто Роурк счастлив.

Декан привял Роурка в своем кабинете. Он ждал, что Роурк начнет просить об отмене приказа. Но просьбы не последовало. Декан выразил Роурку своё сочувствие и сказал, что он был против его исключения. Также решительно голосовали против еще несколько профессоров. Они ссылались на отличные успехи Роурка по всем инженерным дисциплинам. Но поскольку Роурк собирается быть архитектором, а не инженером, большинство профессоров проголосовали за его исключение.

– Стоит ли сейчас говорить о тон, каким предметам я отдавая предпочтение, – спросил Роурк. – Всё это уже позади.

– Роурк, я пытаюсь вам помочь. Вы же не будете отрицать, что вас неоднократно предупреждали.

– Да, – ответил Роурк, и декану стало не по себе под его взглядом. Роурк смотрел на него вежливо, даже почтительно, но так, словно декана здесь не было.

– Что вы делали с каждым проектом, который вам давали? Вы выполнили чертеж в этом своем чудовищном стиле, который и даже не могу назвать модернистским. Он противоречит всем нормам и правилам, всем традициям искусства. Это, простите меня, ... какое-то безумие.

– Может быть.

– Когда вам предлагали самому выбрать стиль и вы выделяли эти свои фокусы, преподаватели оставляли вас в покое, так как не знали, что с вами делать. Но когда вы должны были представить проект в одном из исторических стилей, например, часовню стиля Тюдоров или Французский оперный театр, но вы вместо этого подавали нам бессмысленное нагромождение коробок – как вы это назовете: невыполнение задания или неподчинение дисциплине?

– Неподчинение дисциплине.

– Мы дали вам последний шанс поправиться, учитывая ваши блестящие успехи по другим предметам, но вместо виллы эпохи Возрождения вы посмели представить это... – Декан указал на чертеж, где был нарисован дом из стекла и бетона. – Поистине, мой мальчик, это было слишком... Ну как мы можем перевести вас после этого следующий курс?

– Я согласен с вами.

– Конечно, вы обижены на нас, – продолжал декан. – Вы...

– Ничего подобного, – спокойно сказал Роурк. Наоборот. Я должен повиниться перед вами. Я допустил ошибку. Мне не нужно было доводить дела до того, чтобы вы вышвырнули меня. Я давно должен был уйти сам.

– Ну, полно, полно. Вы не должны так говорить. Тем более, что вы еще не выслушали меня. Я хочу вам предложить, чтобы вы год отдохнули, серьезно надо всем поразмыслили, словом, немного подросли, а потом, может быть, мы снова возьмем вас назад. Конечно, я ничего не могу обещать...

Роурк улыбнулся. Это не была счастливая улыбка. Это не была улыбка благодарности. Это была улыбка человека, которому смешно слушать подобные слова.

– Мне кажется, вы меня не поняли. Я не собираюсь возвращаться в институт.

– Что?

– Я не собираюсь возвращаться. Мне нечему здесь учиться.

– Я не понимаю вас. Будьте добры выразиться яснее.

– А что же тут понимать? Я хочу быть архитектором, а не археологом, не вижу смысла в

том, чтобы в наше время строить виллы в стиле Возрождения. Зачем же мне учиться их строить, если я никогда не буду их строить?

– Мой мальчик, но стиль Возрождения никогда не потеряет своей свежести. Такие дома строятся и по сей день.

– Да, строятся. И будут строиться. Но не мной. Я же делал эскизы домов, которые я буду строить в будущем. Все, что мне надо знать для этого, я уже изучил. Еще один год копирования итальянских открыток с видами ничему меня не научит.

– Но кто позволит вам строить в таком стиле?

– Вопрос надо ставить не так. Кто запретит мне в таком стиле?

Декан посмотрел на него с интересом.

– Жаль, что я раньше не поговорил с вами на эту тему. Тогда не было бы так поздно. Ну, допустим, что вы видели один или два дома в модернистском стиле. Но неужели вы не понимаете, что это временное течение? Все прекрасное в архитектуре уже давно открыто. Мы можем только учиться у великих мастеров прошлого. Кто мы такие, чтобы улучшать их? Мы можем только дерзнуть повторить!

– Но почему? – Роурк указал на окно. – Посмотрите, сколько там людей! Так вот, мне совершенно наплевать на то, что они думают об архитектуре. И вообще обо всем на свете. Почему я должен считаться с тем, что думали их деды?

– Но это наши священные традиции!

– Почему?

– Не будьте так наивны.

– Но я не понимаю. Почему я должен считать это величайшим архитектурным произведением?! – Роурк указал на картину с изображением Парфенона, висящую на стене.

– Но это же Парфенон!

– Ну и что же, черт побери? Смотрите! Знаменитые желобки на знаменитых колоннах – зачем они здесь? Чтобы скрыть место соединения дерева? Когда колонны делались из дерева, это было оправдано, но ведь эти не деревянные! Они из мрамора. А эти триглифы – зачем они здесь? Их делали на деревянных постройках еще в те времена, когда люди только начали строить деревянные хижины. Ваши греки взяли мрамор и имитировали эти деревянные строения, потому что так делали другие. Затем им на смену пришли мастера Возрождения и стали делать... копии из штукатурки копий из мрамора копий из дерева. И вот, наконец, мы делаем копии из стали и бетона копий из штукатурки копий из мрамора копий из дерева. Зачем?

Декан смотрел на него с нескрываемым интересом.

– Правила? – сказал Роурк. – Вот мои правила: то, что можно сделать из одного материала, никогда нельзя сделать из другого. Не существует двух одинаковых материалов, как и не существует двух одинаковых мест на земле. Два здания не могут преследовать одинаковую цель. Цель, место, материал – вот что определяет форму. Ничто не может быть разумным или красивым, если не несет центральной идеи. И именно замысел определяет каждую деталь. Здание живет так же, как и человек. У него тоже есть душа. Его цельность должна определяться одной основной темой, следовать своей правде и служить своей единственной цели. Человек ни у кого не занимает части своего тела. Так и здание. Его создатель дает ему жизнь, душу, и каждая стена, окно, лестница должны быть выражением этой души.

– Но все формы выражения были открыты уже давно...

– Формы? Какие формы? Парфенон служил совсем иной цели, чем его деревянный предшественник. Аэровокзал не служит той же цели, что Парфенон. Каждая форма имеет свое назначение. Каждый человек создает свою форму и свою цель. Почему так важно, что сделали другие? Почему все правы, а ты – нет? Почему количество тех, других, заменяет собой

настоящую правду? Почему правда подменяется просто арифметикой? Почему все разумное и новое извращается, лишь бы оно могло быть втиснуто в рамки общепринятых норм? Почему, я вас спрашиваю?

– Сядьте и успокойтесь. Никто не отрицает значения современной техники в архитектуре. Мы должны уметь переносить красоту прошлых творений в нашу действительность. Голос прошлого – это голос народа, ведь архитектура создавалась не одним человеком. Настоящий творческий процесс – это медленный, коллективный, порой неблагодарный труд, при котором каждый человек сотрудничает с другим и подчиняется требованию большинства.

– Но, видите ли, – спокойно сказал Роурк, – мне осталось жить, скажем, лет 60. Большая часть этого времени будет отдана работе. Я выбрал себе профессию. Если я не буду любить её, то обрекаю себя на 60 лет каторги. А я могу любить свою работу только в том случае, если я буду делать её хорошо, в силу своих возможностей. Но понятие «хорошо» относительно. У меня есть свой критерий этого понятия. Я не пользуюсь никаким наследием прошлого. Для меня не существует традиций. Может быть, я стою на пороге новой традиции.

– Сколько вам лет?

– Двадцать два.

– Ну, что ж. Тогда это вполне простительно. – Декан, казалось, и вздохнул с облегчением. – Вы еще повзрослеете. Старые традиции живут веками. Что же касается модернистов, то назовите мне хотя бы одного, которому удалось добиться многого... Возьмите Генри Камерона – 20 лет назад он был ведущим архитектором. А что с ним стало сейчас – лодырь, пьяница...

– Мы не будем обсуждать Генри Камерона.

– О! Он что, ваш друг?

– Нет. Просто я видел его здания.

Декан вспомнил, что он слышал о семье Роурка. Его отец был сталеваром и давно умер. У мальчика не было близких родственников. Когда его спрашивали об этом, Роурк отвечал: «Я думаю, что у меня нет родственников. А, может быть, и есть. Я не знаю.» Он ни с кем не дружил в институте. Он даже не вступил в студенческий клуб. Он работал с детства. И все годы учебы в институте. Он был разнорабочим на стройках. Он работал штукатуром, водопроводчиком, сталеваром – кем угодно. Он переезжал из одного города в другой, всегда стараясь держаться поближе к крупным городам. Прошлым летом декан сам видел, как Роурк работал сварщиком на небоскребах.

– Послушайте, Роурк, – мягко сказал декан. – Вы много и трудно работали, чтобы получить образование. И вам остался только один год. Вам необходимо получить диплом архитектора. Ведь клиенты не будут приходить к вам, если узнают, что у вас нет законченного специального образования.

– Те, кто захотят иметь со мной дело, придут. Я не хочу строить, чтобы иметь клиентов. Я хочу иметь клиентов, чтобы строить.

– Знаете, Роурк, я понял, что смущало меня в вашей манере аргументировать. Вас просто не интересует, соглашаюсь я с вами, или нет.

– Это верно. – сказал Роурк. – Мне безразлично, согласны вы со мной, или нет. – Он сказал это так просто, что это даже не прозвучало оскорбительно, словно он сам был удивлен, что это так.

– Вас не интересует, что думают другие. Это еще можно понять. Но вы даже не стараетесь заставить людей думать так, как вы.

– Нет.

– Но это... чудовищно!

– Правда?... Может быть. Я не знаю.

Гай Франкон был владельцем фирмы архитекторов, вице-президентом Архитектурного Общества Америки, членом Американской Академии Художеств, почетный член Архитектурных Обществ разных стран. Он присутствовал на защите диплома Питером Китингом и предложил ему работу в своей фирме, в Нью-Йорке. Кроме того, Питер получил Золотую медаль Американского Союза Архитекторов и стипендию в Школе Изысканных Искусств Париже. Отвечая на поздравления, Питер вдруг вспомнил Говарда Роурка. Он подумал о нем с удовольствием. Потом он понял, почему – он вспомнил, что утром Роурка исключили из института. Несмотря на то, что Роурк всегда хорошо к нему относился и помогал, когда бы Питер к нему ни обратился. Но в душе Питер всегда ему завидовал.

Когда Питер пришел домой, он увидел на веранде Роурка. С Роурком его связывало странное чувство. В его присутствие он всегда был самим собой, а в привязанности, которую он испытывал к Роурку, вмещались боль, удивление и беспомощность.

Питер сел рядом с Роурком, и неожиданно для себя сказал:

– Ты знаешь, Говард, я хочу с тобой посоветоваться, потому что твое мнение значит для меня гораздо больше, чем чье-либо другое, даже декана. Что мне выбрать – работу у Франкона или Париж?

– Если ты хочешь знать мое мнение, Питер, – сказал Роурк, – то ты уже совершил ошибку, придя ко мне за советом. Вообще обращаясь к кому-либо за советом. Никогда никого не спрашивай. Во всяком случае, о своей работе. Разве ты сам не знаешь, что ты хочешь? Как ты можешь допустить, чтобы за тебя решали другие?

– Но, видишь ли, Говард, я не уверен... Я никогда в себе не уверен. Я даже не знаю, так ли я способен, как мне об этом говорят. Я бы никому в этом не признался, кроме тебя.

– Если ты хочешь чему-либо научиться, иди к Франкону. Он, конечно, дурак и негодяй, но там ты получишь возможность строить. И научишься самостоятельности.

– Говард, а что ты собираешься делать?

– Я поеду в Нью-Йорк и буду работать у Генри Камерона.

– Говард! Но ведь он сейчас никто! В течение многих лет он не получил ни одного стоящего заказа! Какое будущее тебя с ним ожидает? Чему ты у него научишься?

– Немногому. Как строить.

– Послушай, Говард, может быть я смогу тебе чем-нибудь помочь... Поговорить с Франконом...

– Спасибо, Питер. Это решено.

– А что Камерон тебе предложил?

– Камерон? Я его никогда не видел.

Китинг приступил к работе у Франкона, сразу завоевав уважение своих сослуживцев. Мысленно он наметил ряд лиц, которые будут мешать ему в продвижении к заветной цели – стать компаньоном Гая Франкона.

В Нью-Йорке жила девушка Кэтрин Халси, которую Питер знал еще в Бостоне. Сейчас она жила у своего дяди.

Питер ухаживал за ней уже несколько лет, никогда не позволяя себе того, что он делал с другими девушками. Он знал, что она готова с ним на все. Она любила его и говорила об этом открыто, ничего от него не требуя и ни на что не надеясь. Он встречался с самыми красивыми девушками в городе. Он сам был очень интересным молодым человеком и порой даже стеснялся заурядной внешности Кэтрин, её неряшливой манеры одеваться и того, что ни один парень дважды не взглянул бы на нее. Он часто увлекался той или иной девушкой, клялся им, что не

может без них жить. О Кэтрин он забывал месяцами, а она никогда не напоминала ему о себе. И все же он всегда возвращался к ней, неожиданно даже для себя самого.

Иногда он забывал отвечать на её письма. Она же отвечала сразу, но никогда не писала, если от него долго ничего не было. Когда он думал о ней, ему казалось, что заменить её ему не сможет никто. Однако, уже будучи в Нью-Йорке, он месяцами не звонил ей.

Прошло больше месяца с тех пор, как он приехал работать в Нью-Йорк. И вот он впервые пришел к ней. Он даже не сообщил о том, что придет. Он никогда не сомневался, что застанет её дома. Он всегда приходил неожиданно и всегда заставал её.

Придя к ней в этот раз, он сразу почувствовал облегчение. Все его страхи и опасения улетучились. Она даже не спросила его, почему он так долго не появлялся.

– Господи, как я соскучился по тебе! – сказал он, и это была правда. Он скучал по ней даже в те дни, когда не думал о ней.

Питер узнал, что дядя Катрин и есть тот самый Элсворс Тухи, известный критик и философ, который писал блестящие статьи по вопросам архитектуры, Питер мечтал встретиться с ним, но не хотел делать этого через Кэтрин. Он ждал удобной минуты. Он хотел, чтобы сначала заговорили о нем как об архитекторе.

Роурк без всяких рекомендательных писем пришел наниматься к Генри Камерону.

В восьмидесятых годах прошлого столетия архитекторы Нью-Йорка знали, что первым среди них является Генри Камерон. Для того, чтобы он взял заказ на проект какого либо здания нужно было ждать два года. Он сам решал, что он хочет строить.

Сначала построенные им здания только немного отличались от тех, к которым привыкли люди. Время от времени он предпринимал какой-нибудь смелый эксперимент. Но люди были к этому готовы, и никто с ним не спорил. Взрыв произошел с рождением небоскреба. Он был первым из тех немногих архитекторов, которые поняли, что высокие здания и должны выглядеть высокими, и нет надобности 2х-этажные здания украшать горизонтальными элементами, чтобы зрительно снизить их высоту. Генри Камерон считал, что здания не должны копировать друг друга.

Когда ему было 39 лет, он работал, забывая о сне и еде, редко пил, называл своих клиентов непечатными(!) словами, смеялся над ненавистью, которую он порой к себе вызывал, напоминая своим поведением феодального лорда. Он жил в постоянном страстном напряжении. Шел год 1892.

В 1893 году открылась Всемирная выставка в Чикаго. На берегу озера Мичиган поднялись здания, по стилю напоминавшие Рим, Францию, Испанию, Афины. Генри Камерон отказался работать на этой выставке. Он считал, что для этой выставки не нужно проектировать – только копировать.

Он очень любил свою работу и всю жизнь боролся за свои идеалы, но проиграл. Теперь он был болен, всеми забыт, у него почти не было заказов. Он сидел в своей пустой конторе и ненавидел город, который он когда-то мечтал застроить новыми домами. Он стал пить. Его любимым детищем был небоскреб Дана Билдинг. Он специально снял под свою контору помещение, из окон которого было видно – это здание.

Взгляд Роурка, когда он вошел в кабинет Камерона, упал на единственную картину, висевшую над столом. Это был небоскреб, который Камерону так и не удалось построить. Роурк не мог оторвать от него глаз.

– Вы, что, пришли, чтобы видеть меня или эту картину? – спросил, наконец, Камерон.

– И то, и другое, – ответил Роурк, и подошел к столу.

– Что вам нужно? – рявкнул Камерон.

– Я хочу работать с вами, – спокойно сказал Роурк.

– Неужели? Что, вас никто не берет?

– А я ни к кому не обращался.

– Почему же? Вы считаете, что здесь-то уж вас наверняка возьмут? А вы знаете, кто я?

– Да. Поэтому я и пришел.

– Кто вас прислал?

– Никто.

– Почему же, черт побери, вы выбрали меня?

– Думаю, вы сами знаете.

– Какая наглая самоуверенность! Почему вы считаете, что я вас возьму? Вы что, думаете, что я в таком затруднительном положении, что ухвачусь за любого желторотого птенца, который почтит меня своим визитом? Вы думаете, что старик Камерон уже отжил свой век, пьяница и неудачник? Отвечайте же, черт побери! Разве это не так?! Ну, попробуйте отрицать!

– В этом нет нужды.

– Где вы работали раньше?

– Я только начинаю.

– А что вы раньше делали?

– Я проучился три года в Стантоне на архитектурном факультета.

– И что, джентльмену было лень его закончить?

– Меня исключили.

– Прекрасно! – Камерон стукнул кулаком и засмеялся. – Великолепно! Вы даже не можете закончить институт, а осмеливаетесь придти к Генри Камерону! Вы что, решили, что здесь яма для отбросов? За что вас выгнали? Вино? Женщины? За что?

– За это, – сказал Роурк и развернул чертежи.

Камерон посмотрел на один, потом на второй, затем просмотрел всю кипу. Он поднял голову.

– Садитесь.

– Роурк сел.

– Значит, вы уверены, что вы чего-то стоите, – сказал Камерон. – Так. Но ведь они ужасны! Что вы хотели этим сказать? – он сунул чертеж Роурку в лицо. – Вы знаете, сколько вам еще нужно учиться?

– Да, за этим я и пришел к вам.

– Нет, вы посмотрите на это! Я хотел бы сделать что-либо подобное в вашем возрасте.

Он ругался. Он критиковал чертежи. Внезапно он отложил их в сторону.

– Когда вы решили стать архитектором?

– Когда мне было 10 лет.

– Неправда. Люди не могут в таком возрасте решать, кем они будут.

– А я решил.

– Почему вы решили стать архитектором?

– Потому что я никогда не верил в бога.

– При чем тут бог? Говорите по существу!

– Потому что я люблю эту землю. Это все, что я люблю. И мне не нравятся здания, которые строятся на этой земле. Я хочу изменить их форму.

– Для кого?

– Для себя.

– Сколько вам лет?

– 22.

- Где вы всё это слышали?
- Нигде.
- Люди не рассуждают так в 22 года. Вы просто ненормальный.
- Может быть.
- Это не было комплиментом.
- Я понимаю.
- У вас есть семья?
- Нет.
- Вы работали с детства?
- Да.
- Где?
- На стройках.
- Сколько у вас сейчас денег?
- 17 долларов 80 центов.
- Когда вы приехали в Нью-Йорк?
- Вчера.

Камерон посмотрел на белую пачку чертежей, лежавшую перед ним.

– Черт вас побери! – сказал он мягко. – Черт вас побери! – вдруг заорал он, наклоняясь вперед. – Я не просил вас сюда приходить! Мне не нужны чертежники! Здесь нечего чертить! Мне самому нечего целый день делать! Я не хочу, чтобы вы торчали здесь без дела. Я не хочу ответственности за вас. Я не хочу этого. Я покончил со всем этим. Я покончил с этим уже много лет назад. Я вполне счастлив с этими балбесами, которым ничего я жизни не надо, и которым безразлично, что с ними станет. Почему вам надо было придти именно сюда? Вы хотите погубить себя? Я могу вам только помочь в этом! Я не хочу вас видеть! Вы мне не нравитесь! Мне не нравится ваше лицо! У вас вид эгоиста, который не знает, что такое страдание. Вы наглец. Вы слишком самоуверены. Двадцать лет назад я бы с огромным удовольствием дал вам по физиономии. Вы придете на работу завтра утром точно в девять часов.

- Хорошо, – сказал Роурк, поднимаясь.
- 15 долларов в неделю. Это все, что я могу вам платить.
- Хорошо.
- Вы идиот! Вы должны были пойти к кому-нибудь другому! Как вас зовут?
- Говард Роурк.
- Если вы опоздаете, я вас уволю.
- Хорошо. – Роурк протянул руку за чертежами.
- Оставьте их здесь! – заорал Камерон. – А теперь убирайтесь!

Роурк работал у Камерона уже несколько месяцев. Тот подходил к его кульману, смотрел, как он чертит, и отходил, не говори ни слова. Другие сотрудники не любили Роурка. Обычно он вызывал антипатию с первого взгляда. Его лицо было непроницаемым. Когда он находился в комнате, людям казалось, что его нет. Вернее, что он есть, а их нет.

После работы он шел пешком домой. Он снял огромную комнату под крышей. Потолка в комнате не было, а крыша протекала. Зато в ней был длинный ряд окон, наполовину забитых фанерой, наполовину просто без стекол. Из них была видна река и весь город.

Камерон вызвал Роурка к себе после того, как тот сделал по его заданию проект дома.

- Я вас увольняю, – сказал он без предисловий. – Вы слишком талантливы, чтобы делать с собой то, что вы хотите. Это бесполезно, Роурк. Лучше понять это сейчас, чем потом.
- Что вы хотите этим сказать?

– Бесплезно тратить ваш талант на достижение идеала, которого вам всё равно не достигнуть. Вам просто не дадут этого сделать. Продайте его, Роурк. Продайте его сейчас. Это будет не то же самое, но у вас его достаточно. Вам будут, по крайней мере, платить за него. И платить много, если вы будете делать то, что они хотят. Соглашайтесь, Роурк. Идите на компромисс. Сейчас. Потому что вам все равно придется пойти на компромисс позже. Но к тому времени вы испытаете то, чего могли бы избежать. Вы этого не знаете. Зато я знаю. Спасайте себя. Уходите от меня. Идите к кому-нибудь другому.

– Вы тоже так сделали в свое время?

– Самонадеянный нахал! Какое право вы имеете сравнивать?... – Он остановился, увидев, что Роурк улыбается.

И вдруг он тоже улыбнулся. Это было самое тягостное зрелище, которое Роурку когда-либо приходилось видеть.

– Нет, – мягко сказал Камерон. – Этот номер не пройдет. Ну, что ж, вы правы. Вы знаете себе цену. Но я хочу поговорить с вами. Я не знаю, как убедить вас. Я не знаю, как убедить вас. Я...

– Вы напрасно тратите время.

– Не грубите. Вы должны выслушать меня. Вы будете слушать и молчать?

– Да.

– Из всех архитекторов я последний, к кому вы должны были придти. Я совершу преступление, если буду держать вас здесь. Я не смогу помочь вам. Вместо того я буду толкать вас в том же направлении. Из-за меня вы останетесь таким же, какой вы сейчас, а это будет для вас гибелью. Через месяц я не смогу отпустить вас. Поэтому не спорьте со мной и уходите сейчас, пока еще не поздно.

– Вы думаете, я смогу? Нет, нам с вами уже поздно что-либо менять. Собственно, для меня было поздно уже 12 лет назад.

– Попробуйте, Роурк. Многие возьмут вас, несмотря на то, что вас исключили из института. Я вас рекомендую. Они могут смеяться надо мной за моей спиной, но они всегда готовы украсть у меня идею и прислушиваются к моему совету. Я дам вам письмо к Гаю Франкону. Он когда-то у меня работал. Я, кажется, его выгнал, но это не имеет значения. Идите к нему. Вам сначала у него не понравится, но потом вы привыкнете. А через много лет скажете спасибо мне.

– Зачем вы мне все это говорите? Ведь это не то, что вы хотите сказать. И не то, что вы сами сделали.

– Поэтому я и говорю вам об этом. Именно потому, что сам я сделал по-другому. Послушайте, Роурк. В вас есть одна вещь, которой я ужасно боюсь. Это не то, что вы делаете. Я бы не возражал, если бы вы были обыкновенным экибиционистом и старались привлечь к себе внимание. Нет, дело совсем в другом. Вы любите свою работу. И в этом весь ужас. Скоро они поймут это. И тогда вы в их руках... Вы когда-нибудь обращаете внимание на людей, идущих по улице? Вы не боитесь их? Я боюсь. Они проходят мимо вас, на голове у них шляпы, а в руках свертки. Их сущность в том, что они ненавидят тех, кто любит свою работу. Вы раскрываете себя для каждого из них в отдельности и для всех вместе.

– Но я никогда не замечаю людей на улице.

– Вы видите, что они сделали со мной?

– Я знаю только, что вы их не боялись. Почему же вы хотите, чтобы я их боялся?

– Именно поэтому. – Он наклонился вперед, стиснув кулаки. – Роурк, вы хотите, чтобы я это произнес? Вы жестокий человек. Ладно, я скажу: вы хотите кончить так, как я? Хотите быть тем же, что я сейчас?

Роурк встал и подошел к окну.

– Если, – сказал он, – к концу своей жизни я буду таким, какой вы сейчас здесь, в этой конторе, я буду считать это честью, которой я не заслужил.

– Сядьте! – закричал Камерон. – Я не терплю позерства!

Тут только Роурк заметил, что он стоит, и удивился: – Простите, я не заметил, что я встал.

– Садитесь и слушайте! Это, конечно, очень мило с вашей стороны. Но вы ничего не понимаете. Я думал, что нескольких дней будет достаточно, чтобы все ваше геройство с вас слетело. Оказывается, этого было мало. И вот вы стоите здесь и думаете: «Какой герой этот старый Камерой, какой благородный борец и великомученик». И вы готовы умереть со мной на баррикадах и всю жизнь питаться в дешевых харчевнях. Я понимаю, что для вас все это выглядит чистым и красивым, в вашем «преклонном» возрасте 22 лет. Но вы знаете, что это такое? 30 лет борьбы. Это только звучат красиво. А вы знаете, сколько дней в 30 годах? А что происходило в каждый из этих дней? Я расскажу вам, потому что хочу, чтобы вы знали, что вас ждет. Будут моменты, когда вы посмотрите на свои руки, и вам захочется раздробить их, потому что они будут напоминать вам о том, что они могли бы сделать и чего вы их лишаете, не давая им работы, и вам станет постыло ваше живое тело, потому что где-то в чем-то оно предает ваши руки.

Наступит день, когда, войдя в автобус, вы не сможете уплатить 10 центов, потому что у вас их не будет, и вы будете чувствовать, что вы ничтожество, что кондуктор смеется над вами, что у вас на лбу написано то, за что вас так ненавидят. Придет время, когда вы будете стоять в углу зала и слушать какого-нибудь оратора, который будет говорить о зданиях, о вашей любимой работе, и то, что он будет говорить, вызовет у вас желание раскроить ему череп. И тут вы услышите аплодисменты, и вам захочется выть, потому что вы перестанете понимать, происходит ли это во сне, или наяву, находитесь ли в комнате с пустыми черепами, или кто-то только что выпотрошил мозги из вашего собственного черепа. Ну что, вам мало этого? Ну, что ж... Наконец, наступит день, когда перед вами будет лежать законченный проект дома, перед которым вам самому захочется преклонить колени – вам даже не поверится, что это сделали вы. Вам будет казаться, что жизнь прекрасна, что в воздухе пахнет весной, что вы любите всех людей, потому что на земле нет зла.

И вы будете уверены, что первый, кто увидит ваш проект, не сможет устоять, чтобы не осуществить его. Но вы зря обольщаетесь. В дверях вашей квартиры вас остановит человек, который пришел, чтобы отключат у вас газ. Все это время вы жили впроголодь, так как надо было экономить деньги, чтобы закончить проект, но все же вам приходилось время от времени что-то готовить. И вот вы не заплатили за газ. Ну, ладно, это еще пустяки. Но вот вы приходите в контору со своим чертежом, и вам самому станет противно, когда вы услышите свой просящий, умоляющий голос. Презирая себя за это, вы будете лизать их ноги. Но вам будет равно, лишь бы вам дали возможность построить это здание. Вы будете готовы вывернуться наизнанку, лишь бы они увидели, что у вас внутри. Потому что вы будете думать, что если они увидят это, они обязательно разрешат вам строить. Но человек, к которому вы пришли, скажет, что он сожалеет, но заказ уже отдан Гаю Франкону. И вы пойдете домой. И будете делать, знаете что? Вы будете плакать. Плакать, как женщина, как пьяница, как животное. Вот ваше будущее, Говард Роурк. Вы хотите этого?

– Да. – сказал Роурк.

Камерон опустил голову. Он сидел тихо, сгорбившись, его большие руки бессильно лежали на коленях.

– Говард, – прошептал он, – я никогда никому не говорил этого...

– Спасибо, – сказал Роурк. После долгого молчания Камерон поднял голову.

– А сейчас идите домой. Вы слишком много работали последние дни.

А завтра вам придется переделать это. – Он указал на чертеж загородного дома. – Все это прекрасно. Я хотел посмотреть, что вы придумаете. Но это еще не достаточно хорошо, чтобы строить. Завтра я покажу вам, что я хочу.

Питер Китинг уже год работал в фирме «Франкон и Хейер». Постепенно он убрал всех своих конкурентов. Одному он нашел выгодный заказ, сам отказавшись от него, после которого тот открыл свою контору. Другой женился и стал опаздывать на работу. Он просил Китинга замолвить за него словечко перед Франконом, и Питер сделал это следующим образом:

– Мне очень жаль, м-р Франкон, что мы задержали чертежи фундамента Муррею, но Тим Лэйвис опять поссорился с женой вчера вечером, а вы ведь знаете, как эти молодожены, вы уж не сердитесь на него.

Или:

– Тим Дэйвис опять опоздал, м-р Франкон, простите его. Он ничего не может поделать. У него все мысли заняты своими делами, и он никак не может сосредоточиться на работе.

Тим Лэйвис был уволен. Китинг утешал его, проклиная Франкона. Говорил о несправедливости, потратил 6 долларов на угощение секретаря одной фирмы, куда он и устроил, наконец, Дэйвиса.

Питер получил свой первый заказ. Он должен был сделать проект виллы, но у него ничего не получалось. Тогда он пошел к Роурку и попросил его помочь.

Роурк развернул чертежи. У него не было желания помогать Китингу, но он не мог допустить, чтобы был построен еще один плохой дом. Увидев здание, построенное в греческом стиле, с пилястрами, пучками листьев и гроздьями винограда, с двумя императорскими орлами над входом, он стал быстро исправлять все это. Питер увидел, как под рукой Говарда исчезает его помпезный вестибюль, как выпрямляются его запутанные коридоры, расширяется и светлеет гостиная, что ему никак не удавалось сделать, как окна переносятся на другую сторону и теперь смотрят в сад, какой просторной становится кухня.

Когда Питер показал тщательно скопированные им чертежи Франкону, тот воскликнул:

– Питер, прекрасно! Сколько фантазии! Насколько смело, но... Это как раз то, что я хотел.

– Конечно, – сказал Китинг, – я изучал ваши здания и попытался представить себе, что сделали бы вы, и если это действительно хорошо, то только потому, что я во всем старался следовать вам.

Франкон улыбнулся. Внезапно Китинг почувствовал, что он не верит ни одному его слову, но они были довольны друг другом как люди, связанные общим грехом.

У Камерона дела шли плохо. Его проекты отвергались. Камерон стал часто исчезать из конторы. Он запил.

Однажды на столе у Камерона Роурк увидел нью-йоркскую газету «Знамя». У неё были филиалы во многих штатах, и она была рассчитана на среднего обывателя. В газете печатались самые низкопробные статейки. Роурк ожидал увидеть эту газету в парикмахерской, столовой, метро – где угодно, только не в кабинете Камерона.

– Посмотри, Говард, это интересно, – сказал Камерон.

Роурк просмотрел газету. На первой странице была помещена фотография незамужней женщины с ребенком на руках, и сообщалось, что она убила своего любовника, тут же была дана её биография, и рассказывалось о судебном процессе. На других страницах вы могли найти ежедневный гороскоп, отрывки из церковных проповедей, советы молодым девушкам, фотографии женщин с красивыми ногами, советы, как удержать мужа, конкурс младенцев,

стихотворение, смысл которого сводился к тому, что мыть посуду – куда более почетное занятие, чем писать симфонию, и, наконец, статья, в которой говорилось, что женщина, родившая ребенка, автоматически причисляется к рангу святых.

– Говард, это ответ. Это ответ тебе и мне. Эта газета. То, что она существует и пользуется спросом. Ты можешь бороться с этим? У тебя найдутся слова, способные убедить издателя этой дряни? Знаешь ли ты, что через несколько лет этот мерзавец Гейл Вайнэнд будет править миром? Это будет прекрасный мир! А может быть, он и прав! Давать им то, что они хотят. Позволить им обожать себя за то, что ты лижешь им ноги... А, впрочем, это не имеет значения. Сейчас для меня ничто не имеет значения, кроме...

Он взглянул на Роурка и добавил:

– Если бы я только мог продержаться до тех пор, пока поставлю тебя на ноги, Говард...

– Не говорите об этом.

– Я хочу говорить об этом... Следующей весной будет 3 года, как ты у меня работаешь, Говард. А, кажется, что целую вечность, да? Чему я тебя научил? Многочему – и ничему. Никто не может научить тебя чему-либо, по существу, конечно. То, что ты делаешь, это – твое, а не мое. Я могу лишь научить тебя сделать это еще лучше. Я могу помочь тебе по технической части, но замысел, замысел – это твое. Если бы я только мог дожить, чтобы увидеть, кем ты станешь! Ты должен ответить им всем, всем этим Вайнэндам, и тем, кто делает таких Вайнэндов возможными. Я знаю, что у меня нет ответа... Но ты им когда-нибудь ответишь.

Элсворс Тухи написал сенсационную статью об архитектуре. Он писал о том, что эта область обращает на себя все большее внимание. Это был блестящий обзор развития архитектурных стилей на протяжении многих веков. Он писал о неизвестных создателях величайших зданий.

В газетах появилась восторженные отзывы. Тухи стал критиком №1 по вопросам архитектуры.

Камерон ушел на пенсию. Его разбил паралич. Он вызвал к себе Роурка и велел ему сжечь все бумаги и чертежи в его конторе прежде чем её займут другие. Роурк так и сделал.

Прослышав о затруднениях Роурка, к нему пришел Питер Китинг с предложением работать у Франкона. Роурк согласился при одном условии: он будет работать простым чертежником.

Ему было очень трудно. Он смотрел на план здания, который он чертил, и видел, каким должно было бы быть это здание. Но он должен был подавлять в себе желание исправить что-либо в чертеже. Он не понимал, почему другие так слепы, почему они не видят этого. Он выжидал. Он знал, что долго здесь не пробудет, но он ждал.

У него не было друзей. К нему относились как к мебели – полезной, но безликой, и такой же безмолвной.

Питеру доставляло наслаждение давать Роурку приказания, делать ему замечания. Тем самым он мстил ему за свою зависимость от его мнения, его совета. Китинг, ждал реакции Роурка, его возмущения, но Роурк все приказания Китинга выполнял беспрекословно. Однажды Питер послал Роурка на место стройки большого отеля для проверки работы электриков, и он познакомился с электриком Майком, Майк понял, что Роурк дает советы со знанием дела. Когда Роурк пришел на стройку в третий раз, электрики закончили уже свою работу, и Майк пригласил Роурка выпить пива. Его представление о мире было простым. Для Майка люди делились на две группы: компетентные и некомпетентные. С последними он старался не встречаться. В своей области Майк был экспертом. Он любил здания, но презирал всех архитекторов.

– Правда, был один архитектор, Рыжий, – сказал он после пятой кружки, обращаясь к Роурку, – который чувствовал здания. Я работал для него, когда мне было столько же лет,

сколько тебе. Жаль, что ты тогда был слишком мал, чтобы знать его.

– Как его зовут?

– Его звали Генри Камерон, и он давно уже умер. Роурк долго смотрел на Майка, потом сказал.

– Он жив, Майк, я работал у него, почти три года. Они молча смотрели друг на друга, и этот взгляд был как бы печатью, скрепившей их дружбу.

Однажды, когда Питер уехал, по делам в Вашингтон, к Франкону пришел заказчик и попросил сделать ему проект административного здания общей стоимостью 8 млн. долларов. У Франкона не было другого выхода, как поручить это Роурку. Роурк попросил его позволить ему сделать этот проект по типу Дана Билдинг, построенному Камероном, Франков отказал ему в этом. Тогда Роурк сказал, что не будет делать проекта. Возмущенный Франкон выгнал Роурка. Когда Китинг узнал об этом, он не стал возражать против решения Франкона.

Роурк составил список архитекторов по принципу их наименьшей бездарности и стал ходить к ним в поисках работы. Он не возмущался, когда ему отказывали. Его даже не унижало это: он был к этому внутренне готов. Он знал, что должен найти себе временное пристанище.

Иногда он навещал Камерона, но никогда не рассказывал ему о своих безрезультатных поисках.

Однажды он набрел на контору Джона Эрика Снайта. Тот просмотрел его чертежи и спросил, может ли он приступить к работе сегодня же. Он спросил, сколько он получал у Франкона.

– 65,-ответил Роурк.

– Я смогу платить вам только 50, и если вы согласны, приступайте сразу же. Роурк согласился.

У Снайта было пять архитекторов. У каждого из них было прозвище: «Классический», «Готический», «Ренессанс», «Смешанный». Роурк получил кличку «Модерниста». Просмотрев окончательные чертежи здания, которое должен был строить Снайт, Роурк понял, что ему следует ждать от новой работы. Он никогда не увидит построенными свои проекты – только их части. Но он сможет делать проекты так, как он хочет. Кроме того, он решит насущные для него проблемы. Это было меньше, чем он хотел, и больше, чем он мог ожидать.

Китинг знал о том, что у Франкона есть дочь. Франкон предпочитал никогда не говорить о ней. Она была, как говорится, отрезанным ломтем, жила отдельно, вела самостоятельную жизнь, работала журналисткой в газете «Знамя». У неё в газете была своя колонка «Ваш дом», где она писала о лучших современных жилищах. Это была умная и талантливая журналистка.

Однажды, войдя в здание фирмы, Китинг столкнулся на лестнице с молодой женщиной, которая разговаривала с клерком. Это была необыкновенно высокая и хрупкая девушка, очень тоненькая, но прекрасно сложенная. Рядом с ней нормальное женское тело казалось грузным и массивным. На ней был строгий серый костюм, который выглядел необычайно элегантно. Она положила узкую длинную руку на перила лестницы, и в этом жесте тоже было необъяснимое изящество. Её серые глаза какой-то странной удлинённо-прямоугольной формы были обрамлены длинными пушистыми ресницами. Она выглядела очень спокойной и холодной. Её бледно-золотистые волосы были подстрижены в виде шлема. Казалось, что и её лицо, и её волосы, и её костюм не имели определенного цвета. Это скорее был какой-то оттенок и она казалась нереальной. Китинг застыл на месте. Так вот что художники называют красотой!

– Если ему угодно меня видеть, то он может сделать это только сейчас – сказала она клерку в приемной. – Он просил меня зайти, и у меня не будет другого времени.

Это не было приказанием. Она говорила таким авторитетным тоном, что приказание казалось излишним. Она поднялась наверх, обдав Китинга невидящим холодным взглядом. Это и была дочь Франкона. Её звали Доминика. В своей последней статье она резко критиковала дом, построенный по проекту Китинга. Затем она подрывала авторитет фирмы своего отца. Вот почему Франкон вызвал её к себе.

Китинг услышал голос Франкона, громкий, сердитый и беспомощный:

– ... получить такой удар от своей собственной дочери! Я привык к твоим фокусам, но это уж слишком! Что мне теперь делать? Как я должен объяснить это? Ты понимаешь, какое положение я занимаю в обществе?

Китинг хотел войти, но в это время услышал, как Доминика рассмеялась. Звук её смеха был так весел и так холоден, что Китинг решил не входить. Он вдруг почувствовал, что ему страшно. Почти также страшно, как тогда, когда увидел её глаза, которые казались усталыми, презрительными и оставляли у человека впечатление холодной жестокости. Спускаясь по лестнице, он думал о том, что теперь-то он наверняка заставит Франкона познакомить его со своей дочерью. Но где-то в душе он смутно чувствовал, что лучше было бы ему никогда больше не встречаться с ней.

В доме Ральфа Холькомба собрались гости. Среди приглашенных был и Питер Китинг. Он скучал и поглядывал на часы, размышляя, когда будет удобно уйти. В это время в маленькой библиотеке он увидел Доминику в окружении трех молодых людей. Она стояла, прислонившись к колонне, со скучающим видом. Молодые люди явно утомляли её своим вниманием. На ней было облегающее черной бархатное платье.

Питер разыскал Франкона и попросил немедленно представить его дочери.

Они вошли в библиотеку вместе.

– Доминика, дорогая, могу ли я представить тебе Питера Китинга он моя правая рука.

Доминика поклонилась.

– Я очень давно хотел встретиться с вами, – сказал Китинг.

– Это интересно, – ответила Доминика. Вы, кажется, хотите быть ко мне внимательным, хотя отец предпочел бы, чтобы вы не были бы столь мягки и дипломатичны.

– Что вы имеете в виду, мисс Франкон?

– Мне кажется, что мне с самого начала следует предупредить вас, что мы с отцом не ладим. Чтобы вы не сделали неправильных выводов.

Китинг с облегчением подумал, что в ней нет ничего пугающего. Кроме контраста между словами и тоном, которым она их произносила. Он не знал, чему верить. Франкона рядом уже не было.

– Вы попросили отца представить вас, но он не должен был дать мне это заметить. Однако, если мы оба это понимаем, тогда все в порядке.

– Почему вы не думаете, что причины, заставившие меня просить вашего отца о представлении вам, могут не иметь с ним ничего общего?

– Только, пожалуйста, не говорите, что я красива и изыскана и не похожа ни на кого из ваших знакомых женщин и что вы боитесь влюбиться в меня. Вы все это в конце концов скажете, но давайте оттянем это на как можно более долгий срок. А что касается всего остального, то думаю, мы очень хорошо поладим.

– Я чувствую, что вы хотите сделать наше знакомство трудным для меня.

– Да. Разве отец вас не предупреждал?

– Предупреждал.

– Надо было послушаться его. Будьте к нему очень внимательны. Я уже столько встречала

его «правых рук», что отношусь к ним весьма скептически. Но вы первый, кто задержался. И, похоже, что задержался надолго. Я много слышала о вас. Поздравляю.

– Я уже несколько лет мечтаю познакомиться с вами. Я постоянно читаю ваши статьи с таким... – Он замолчал. Он знал, что не должен был начинать разговора об этом.

– С каким? – мягко спросила Доминика.

– С таким удовольствием, – с облегчением закончил он фразу, надеясь, что она не будет продолжать разговора.

– Ах, да, – сказала она. – Моя последняя статья. Ведь это вы строили этот дом. Вы невольно стали жертвой моих редких приступов честности. Они не часто у меня бывают.

– Я последую вашему примеру и буду совершенно откровенен с вами. Не воспринимайте это как жалобу – нельзя жаловаться на критику. Но дом, построенный Халькомбом, гораздо хуже, чем тот, который вы раскритиковали вчера. Почему же вы так восхищались им? Или вам велели?

– Не льстите мне. Мне никто не может велеть. Неужели вы думаете, что кого-нибудь в нашей газете интересует, что я пишу в своей колонке о современных домах?

– Но почему же, все-таки, вы хвалили Халькомба?

– Потому что его дом – это такой ужас, что критиковать его бессмысленно. Вот я и решила расхвалить его до небес, чтобы позабавиться. И это, действительно, было смешно.

– Это ваш обычный стиль работы?

– Да. Но мою колонку никто не читает, кроме домохозяек, которые никогда не смогут позволить себе украсить свой дом со вкусом. Поэтому то, что я пишу там, не имеет значения.

– А что вам действительно нравится в архитектуре?

– Мне ничего не нравится в архитектуре.

– Вы, конечно, понимаете, что я этому не верю. Зачем же тогда вы пишете, если вам нечего сказать?

– Чтобы чем-нибудь заняться. Это занятие наименее отвратительное из всего того, что я могла бы делать. И в то же время наиболее занимательное.

– Но это не ответ!

– А другого ответа у меня нет.

– Но вам, видимо, нравится ваша работа.

– Да. Разве вы не видите?

– Знаете, я даже завидую вам. Работать в таком огромном предприятии как Пресса Вайнэнда! Самое большое газетное объединение в нашей стране, лучшие творческие силы...

– Послушайте, – сказала она, – доверительно наклоняясь к нему, – давайте я вам помогу. Если бы вы только что встретили отца, и он бы работал у Вайнэнда, это было бы как раз то, что нужно было бы сказать. Но не мне. Я ожидала, что вы мне это скажете, а я не люблю слышать от людей то, что по их ожиданиям мне понравится. Было бы гораздо интересней услышать от вас, что газеты – это отвратительная мусорная яма желтой прессы, а все работники, вместе взятые, гроша даже ломаного не стоят.

– Вы действительно так думаете о них?

– Нет. Но я не люблю людей, которые пытаются говорить то, что они думают, думаю я.

– Спасибо. Мне понадобится ваша помощь. Я никогда не встречал... О нет, нет... Это как раз то, чего вы не хотели от меня слышать. Но я действительно восхищаюсь Гейлом Вайнэндом. Я всегда мечтал с ним познакомиться. Какой он? Что он за человек?

– Не знаю. Я никогда с ним не встречалась

– Не встречались?

– Нет.

– А я слышал, что он очень интересный мужчина.

– Несомненно. Когда у меня будет настроение для какой-нибудь декадентской выходки, я может быть постараюсь с ним встретиться.

– А Тухи вы знаете?

– О, – сказала она, и он увидел в её глазах ту жестокость, которую заметил раньше. Но тон ей был также притворно весел. – Конечно, я знаю Элсворса Тухи! Он изумителен! Я всегда очень люблю с ним беседовать. Он совершенно потрясающий подлец!

– Ну что вы, мисс Франкон! Вы первый человек, кто...

– Я не хотела вас шокировать. Я действительно так думаю, я просто восхищаюсь им. Он исключительно цельный человек. Совершенство в своем роде. А ведь не так часто встречаешь совершенство в том или ином роде, не правда ли? Все другие так незакончены, состоят из многих разных частей. Но не Тухи. Он монолит. Иногда, когда я бываю зла на весь мир, я утешаю себя мыслью: ничего, мир сполна получит все, что ему причитается, потому что есть на свете Элсворс Тухи. Я буду отомщена!

– А за что вы хотите быть отомщенной?

Она внимательно посмотрела на него, её глаза были мягкими и ясными.

– Это очень умное замечание. Первая ваша умная мысль за весь вечер.

– Почему?

– Вы знали, что выбрать из всей той чепухи, которую я вам наговорила. Мне придется ответить вам. Мне хочется быть отомщенной за тот факт, что у меня нет ничего, за что бы мне надо было мстить... А теперь вернемся в Элсворсу Тухи.

– Я всегда ото всех слышал, что он чистый идеалист, что он совершенно неподкупен и...

– Что вы имеете в виду?

– Ну, вот, например, Кики Холькомб. Она права. Она ненавидит меня, но вынуждена иногда приглашать меня в дом к себе. А я не могу отказаться, зная, что она уже очень очевидно не хочет меня видеть. Сегодня я сказала Холькомбу, что я действительно думаю о его новом здании, но он мне не поверил. Он улыбнулся и сказал, что я милая маленькая девочка.

– А разве это не так?

– Нет. Во всяком случае, не сегодня. Я доставила вам сегодня столько неприятных мгновений... Но я постараюсь компенсировать это, сказав вам, что я действительно думаю о вас. Вы умный, благополучный, вполне понятный, тщеславный, и вы далеко пойдете. И вы мне нравитесь. Я скажу отцу, что одобряю его «правую руку». Хотя лучше мне этого отцу не говорить, потому что мои рекомендации он воспринимает как раз наоборот.

– А можно, я скажу, что я о вас думаю?

– Конечно.

– Я думаю, что было бы лучше, если бы вы не сказали мне, что я вам нравлюсь. Тогда я мог бы надеяться, что когда-нибудь это будет правдой.

Она засмеялась.

– Если вы понимаете это, то тогда мы чудесно поладим друг с другом. И тогда это действительно может оказаться правдой.

Доминику позвали. Наблюдая за ней весь остаток вечера, Питер так и не смог понять, успешной или неудачной была его встреча с Доминикой.

Он ждал её у дверей. Прежде, чем успел произнести хотя бы слово, она сказала ему с очаровательной улыбкой:

– Нет, вы не можете меня проводить. Меня ждет машина. Но, тем не менее, спасибо.

Она вышла, а он беспомощно стоял у дверей, со злостью думая, что он краснеет. В это время он почувствовал на своем плече руку и, обернувшись, увидел Франкона.

– Питер, подвезти вас?

– Как? Разве вы не ушли? Послушайте, Гай, ваша дочь – самая прекрасная женщина из всех, кого я знаю!

– Да, может быть в этом вся беда...

– О какой беде вы говорите?

– А что вы о ней думаете? И забудьте о том, как она выглядит. Вы увидите, как быстро вы об этом забудете!

– Мне кажется, что она очень независима.

– Вы знаете, Питер, я был очень удивлен вашим долгим разговором с ней. Я никогда не знал, как с ней говорить, я так и не смог научиться этому. Я не понимаю, что с ней творится, но что-то явно творится. Она совершенно не хочет вести себя, как все люди. Её исключали из двух школ. Я не представляю себе, как она закончила институт. В течение четырех лет я с ужасом ожидал почты, боясь получить письмо из института об её исключении. Наконец, она встала на ноги. Я уже думал, что мне не надо будет о ней беспокоиться, но она стала еще хуже.

– А о чем вы беспокоитесь?

– Я не беспокоюсь. Стараюсь, во всяком случае. Я стараюсь о ней не думать. Я просто не создан быть отцом. Но, тем не менее, я ведь понимаю, что несу за нее ответственность. И я должен что-то делать больше ведь некому.

– Просто она запугала вас, Гай. За неё не надо волноваться.

– Вы так считаете? Ну, тогда я рад, что вы познакомились, хотя раньше не хотел этого. Может быть, вам удастся её приручить.

– Мальчики, – сказал Джон Эрик Снайт, – не пожалейте своих сил. Это самый важный заказ в этом году. Денег не очень много, но зато престиж, связи! Вы знаете, Остен Хеллер прямо сказал, что наша фирма уже третья, к кому он обращался. Ему хочется что-то необычное, нестандартное. Так что дерзайте!

– М-р Снайт, не можете ли вы сказать поточнее, что, собственно он сказал? – спросил Роурк. Снайт посмотрел на него с любопытством. Вообще-то он нес бессмыслицу. Он сказал, что он хочет построить для себя загородный дом, но перед этим колебался так как все дома кажутся ему одинаковыми, и все очень плохими, и все же ему хочется построить здание, которое бы он полюбил. Здание, которое будет что-то значить.

Через день Снайт и все его пять архитекторов поехали посмотреть место, где Хеллер собирался построить свой загородный дом. Это был пустынный скалистый берег океана. Оно очень напоминало тот берег озера, где так любил купаться Роурк, когда учился в институте.

В течение нескольких дней Роурк работал как одержимый, просиживая в конторе все вечера до поздней ночи. Когда он закончил, ему показалось, что дом спроектирован не им, а той скалой, на которой он стоял. Стены дома, расположенного на нескольких уровнях, были сделаны из гранита, и казалось, что скала вытянулась вверх, найдя свое завершение и смысл, для которого она была создана и которого так долго ждала.

Проект Роурка был признаком лучшим.

Через два дня окончательная версия дома была показана Хеллеру. Это был проект Роурка, но его стены были теперь из красного кирпича, окна были уменьшены до обычных размеров и закрыты зелеными ставнями. Вместо огромной террасы над морем был железный балкон, а вертикальные флигели отсутствовали.

Хеллер очень внимательно смотрел на рисунки и эскизы. Потом он сказал, что они очень близки к тому, что он себе представлял, но что-то в них ему не нравится.

– Простите, если я выражаюсь очень туманно. Но мне кажется, что в доме нет единства, центральной идеи. Ему чего-то нехватает, а чего-то чересчур много. В нем нет... цельности.

Роурк стоял рядом. При этих словах он повернулся и схватил чертеж. Его карандаш быстро забегал по бумаге. Он зачеркивал, подрисовывал, расширял окна, убирал украшения. Снайт хотел вырвать чертеж у него из рук, но Хеллер успел опередить его и удержать. Роурк поднял голову и посмотрел на Хеллера. В другом представлении они не нуждались. Их взгляд был похож на рукопожатие. Через 5 минут Роурк отбросил карандаш. Дом стоял перед ним в первоначальном виде.

– Вы уволены закричал Снайт. – Убирайтесь зон!

– Мы оба уволены, – сказал Хеллер, подмигнув Роурку. – Пошли. Вы уже обедали? Пойдемте куда-нибудь. Я хочу поговорить с вами.

– Послушайте, м-р Хеллер, – бросился к нему Снайт, – если вам это нравится, пожалуйста... я хочу объяснить вам...

– Не сейчас, – сказал Хеллер. Он взял чертеж, свернул его и положил в карман. Потом он добавил. – Я пришлю вам чек.

И они вышли. За все время Роурк не произнес ни одного слова. Когда они уже сидели в ресторане – самом дорогом из всех, которых бывал Роурк – и на столе сверкало серебро и хрусталь, Хеллер спросил:

– И вы смогли бы построить этот дом точно таким, как вы его нарисовали?

– Да.

– Сколько времени это займет, если начать сейчас же.

– Восемь месяцев.

– И вы сумеете нарисовать планы и обеспечить строительство.

– Да.

Хеллер внимательно изучал человека, сидящего перед ним, и у него было чувство, что не он нанимает этого человека, а сам поступает в его распоряжение.

– Сколько вам лет?

– 26. Вам нужны рекомендации?

– Нет, черт возьми, они у меня в кармане. Как вас зовут?

– Говард Роурк.

– Послушайте, – сказал Хеллер, вынимая чековую книжку, – я хочу, чтобы вы открыли собственную контору и приступили к работе. Это задаток.

Он протянул ему чек на пятьсот долларов. Его глаза смотрели на Роурка с любопытством. Но жест был похож на салют.

На чеке было написано: «Говарду Роурку, архитектору.»

Первым посетителем Роурка в его собственной конторе был Питер Китинг. Он пришел без предупреждения. Он не видел Роурка целый год. Широко улыбаясь и раскинув руки в приветственном жесте, он воскликнул: I

– Подумать только, Говард! Твоя собственная контора, твое имя и все остальное!

– Здравствуй, Питер, – спокойно ответил Роурк. А откуда ты узнал?

– Ну, я ведь слежу за твоей карьерой... Ты знаешь, что я всегда о тебе думал. И мне, наверно, не надо говорить тебе, что я поздравляю тебя и желаю тебе всего самого лучшего.

– Не надо.

– Ну, а каковы твои планы на будущее? Ничего определенного?

– Ничего.

– Ну, я уверен, что ты всего добьешься.

– Неужели?

– Ну конечно. А ты разве нет?

– Я как-то об этом не думал.

– Так значит ты все таки не уверен, Говард? – спросил Питер, внезапно оживляясь.

С тех пор, как Питер узнал, что Роурк открыл свою собственную контору, у него появилось ощущение, что случилось что-то неприятное. Это чувство не проходило несколько дней, вызывая то злость, то боль, то чувство оскорбления.

– А что это ты так оживился? – спросил Роурк.

– Что? Нет... это тебе показалось, но конечно я за тебя очень волнуюсь. Ведь если ты не уверен...

– Я уверен.

– Но ведь у тебя нет диплома. А тебе надо зарегистрировать свою контору и получить лицензию.

– Я получу её.

– Ну что ж... Тогда я скоро увижу тебя в Американском союзе архитекторов.

– Я не собираюсь в него вступать.

– А если тебя пригласят и предложат тебе?

– Я скажу, чтобы они не беспокоились.

– Но разве ты не понимаешь, что это помогает?

– В чем?

– В том, чтобы стать архитектором.

– Мне в этом не нужно ничьей помощи.

– Послушай, если ты собираешься себя так вести, у тебя появятся враги.

– Они появятся у меня в любом случае.

Первым человеком, которому Роурк рассказал о том, что он собирается открыть свою собственную контору, был Генри Камерон. Роурк поехал к нему в тот день, когда он подписал контракт о Хеллером. Зимой здоровье Камерона улучшилось, и он начал подниматься с постели. Роурк нашел его в саду.

– Ну, что нового? – спросил Камерон

– Я открываю свою контору. Только что я подписал контракт на свой первый дом.

Камерой продолжал идти рядом, тяжело опираясь на палку. Его глаза были закрыты. Потом он поглядел на палку и сказал:

– Ну ладно, не хвастайся. – И добавил: – Помоги мне сесть.

Он произнес это предложение впервые. Его сестра и Роурк давно поняли, что он запретил им любое намерение помочь ему двигаться. Роурк взял его под руку и повел его к скамье. Глядя вперед на солнечный заказ, Камерон спросил:

– Что? Кому? Сколько?

Он молча выслушал рассказ Роурка. Затем он долго расспрашивал Роурка о камне, о стали, о дорогах, о ценах. Он не поздравил Роурка и никак не прокомментировал событие. Только когда Роурк собрался уходить Камерон внезапно сказал:

– Говард, когда ты откроешь контору, сделай снимки и покажи их мне.

Затем он виновато покачал головой и выругался.

– Не надо, Говард. Я что-то становлюсь сентиментальным.

Роурк ничего не ответил, но когда он снова приехал через три дня Камерон встретил его словами: «Ты что-то становишься надоедливый», Роурк, не говоря ни слова, протянул ему конверт. Камерон долго перебирал снимки и потом сказал:

– Ну что ж, я дождал до этого. Хотя все не совсем то, и не совсем так, как мне хотелось бы.

Потом он взял фотографию входа, где была прибита дощечка с его именем.

– Здесь сказано не очень много. Только «Говард Роурк, архитектор». Но это похоже на девиз, который человек высек на воротах своего замка и за который он умер. Это, запомни,

вызов чему-то такому большому и такому темному, что ты узнаешь, что значит страдать на этой земле. Я не знаю, что тебя ждет, но если ты пронесешь эти слова до конца, то это будет победа. И не только для тебя, а для всего того, что движет мир вперед. И никогда не получает признания... А теперь давай я тебя благословлю, потому что перед тобой дорога в ад.

Роурк шел по строительной площадке и, вдруг, не веря своим глазам, увидел рядом с катушками проводов знакомую фигуру.

– Майк! – закричал он.

Майк уехал на Нью-Йорк задолго до того, как в конторе Снайта появился Хеллер, и Роурк считал, что Майк ничего не знает.

– Привет, Рыжий! – ответил Майк, и его лицо расплылось в широкой улыбке. – Привет, босс, – добавил он.

– Майк, откуда ты? – обнимая его, продолжал Роурк. – Ведь ты никогда не работаешь на маленьких стройках?

– Слушай, Рыжий, неужели ты думал, что я пропущу твой первый дом? – в глазах Майка был триумф. Но он скрыл свою взволнованность и радость встречи. – Проваливай, босс, не мешай работать.

Смеясь, Роурк шел по дому. Он шел внешне спокойно, но его руки выдавали то, что ему хотелось бы скрыть. Они дотрагивались до перил, до дверей, до стен. Рабочие заметили это. Один из них сказал:

– Этот парень так влюблен в дом, что не может удержаться. Рабочие любили его.

Роурк купил подержанный «Форд» и приезжал на стройку чаще, чем это требовалось. Временами ему хотелось забросить все чертежи и самому взяться за инструменты, чтобы свой первый дом строить своими собственными руками.

Однажды Майк сказал ему:

– Сдерживай себя, Рыжий. Ты как открытая книга. О господи, ведь это просто неприлично быть таким счастливым!

Роурк стоял на краю утеса и смотрел на расстилавшиеся внизу поля, проселочную дорогу, вившуюся вдоль берега океана. Мимо него проехала открытая машина с людьми, ехавшими на пикник. Яркими пятнами промелькнули пестрые свитера и шарфы, развевавшиеся по ветру. Шум мотора перекрывался беспричинно веселым смехом и визгом. Одна девушка сидела, свесив ноги через борт. Она играла на гитаре. Эти люди наслаждались жизнью, сегодняшним днем, они кричали от радости, что сегодня не надо работать и что все заботы остались позади. Они работали и терпели все лишения только ради одной цели: чтобы наступил день отдыха. Сегодняшний день был для них целью.

Роурк смотрел вслед машине и думал, что этот день имел большое значение как для него, так и для них – но какое различное значение! Он хотел понять, в чем заключается это различие, но тут увидел грузовик, поднимающийся тяжело в гору с грузом гранитами он тут же забыл обо всем на свете.

Хеллер часто приезжал посмотреть на строящийся дом, с недоверием и с восхищением наблюдая, как его мечта претворяется в жизнь. Уже через неделю после их знакомства Хеллер знал, что в Роурке он нашел своего лучшего друга. И он знал, что эта дружба возникла на почве полнейшего безразличия Роурка. Тот не нуждался в Хеллере, ничего у него не просил и ничего не требовал. Но когда Роурк смотрел на него с одобрением, когда он улыбался или хвалил какую-либо его статью, для Хеллера, известного журналиста, это значило больше, чем признание многих его коллег.

По вечерам они часто сидели в окрестностях дома и разговаривали.

– Говард, скажи, почему мне так нравится дом, который ты для меня строишь?

– Дом так же как и человек, может иметь цельность. И также редко.

– Каким образом?

– Каждая часть дома является необходимостью – как снаружи, так и внутри. Количество комнат, которые тебе необходимы, создает объем дома, и во многом определяет его форму. Соотношение масс определяется распределением пространства внутри. Орнамент определяется методом строительства. Нельзя делать колонны, которые ничего не поддерживают, фальшивые арки, фальшивые окна. Они бессмысленны. Твой дом образован своей внутренней необходимостью. А те, о которых я говорил -необходимостью создать впечатление. Определяющим мотивом твоего дома есть сам дом. Определяющим мотивом других – аудитория, публика.

– Ты знаешь, – сказал Хеллер, – мне кажется, что когда я сюда перееду, у меня начнется новая жизнь. И не удивляйся, если я признаюсь тебе, что у меня такое чувство, – что мне еще надо заслужить жить в этом доме.

– А я и не удивляюсь. Я так его и задумал, – ответил Роурк.

Дом Хеллера был закончен в ноябре 1926 года. Ни одна газета не упомянула о доме Хеллера в традиционных обзорах лучших построек за год.

Питер Китинг говорил своим коллегам:

– ...Вам не следует слишком строго его судить. Я знаю его много лет, и он определенно талантлив. Как-то он даже работал у меня. Он учтет все ошибки... Ведь у него впереди будущее... Как, вы так не считаете? Вы действительно не уверены...?

Элсворс Тухи, который не пропускал ни одного строения, независимо от того, хорошим оно было, или плохим, в своих обзорах не обмолвился о доме Хеллера ни единым словом.

Алва Скаррет, холостяк, на имя которого в банке лежало два миллиона долларов, отлично играл в гольф и был главным редактором газеты «Знамя».

Именно ему пришла в голову идея провести компанию по борьбе с трущобами. «Знамя» и другие газеты Вайнэнда все время проводили какие-нибудь кампании. Недавно они закончили кампанию, посвященную авиации. Она была предпринята с большим размахом и содержала в себе все – от конкурса мальчиков до 10 лет на лучшую модель самолета до полета владельца газеты Вайнэнда, дипломированного пилота из Лос-Анжелеса в Нью-Йорк, установившего новый рекорд скорости. Газеты поместили фотография Вайнэнда в летном комбинезоне с гарденией в петлице. На вопросы корреспондентом о своем первом желании после приземления, он ответил, что хочет поцеловать самую красивую женщину из присутствующих, и запечатлел поцелуй на лбу у старухи, заявив, что она напоминает ему его мать.

Когда Алва Скаррет спросил Вайнэнда, что он думает о его затее, тот ответил:

– Ну что ж, валяй. Постарайся выжать из этого все, что можно.

И уехал в кругосветное путешествие на своей белоснежной яхте.

Алва Скаррет вызвал Доминику Франком и поручил ей обследовать условия жизни в трущобах. Доминика только что вернулась из Бьяррица, где она провела все лето. Она была одной из любимых служащих Скаррета, и он не ограничивал её отпуск по двум причинам, во-первых, он был при встречах с ней не в своей тарелке и не смог бы ей отказать, и, во-вторых, он знал, что она может оставить свою работу, когда ей заблагорассудится.

Доминика поселилась в трущобах на две недели. В её комнате не было окон, и свет падал через люк на потолке. Ей надо было взбираться на пятый этаж. В доме не было даже воды.

Доминика сама готовила себе пищу в одной кухне вместе с многодетной семьей этажом ниже. Вечерами она посещала соседей и сидела с ними на ступеньках лестницы. Она ходила с местными девушками в самые дешевые кинотеатры. Она носила старые кофты и юбки. Её необычайная хрупкость наводила всех на мысль, что она голодает. Соседи были уверены, что у неё туберкулез. Но двигалась она с такой же уверенной грацией, как будто находилась в гостинной у Халькомбов. Она сама мыла пол у себя в комнате, чистила картошку, купалась в корыте. Ей никогда раньше не приходилось этого делать, но она делала это так, как будто жила здесь всю свою жизнь. Она была очень деловой и энергичной, что никак не гармонировало с её внешностью. Ко всему она относилась с безразличием – и к трущобам, и к гостинным.

В конце второй недели она вернулась в свои апартаменты, расположенные на крыше гостиницы рядом с Центральным Парком, а на страницах газеты «Знамя» появилась её статья о жизни трущоб. Это был беспощадный и блестящий отчет.

На званых обедах ее забрасывали вопросами: «Доминика, неужели вы действительно жили в этих местах?».

– Да, – отвечала она, – в доме на 12 Ист-стрит, м-с Палмерс, который вы сдаете. Там есть канализационная труба, которая засоряется чуть ли не каждый день и заливает весь двор.

– В доме, который принадлежит вам, м-р Брукс, на потолке выросли изумительные красивые сталактиты, – говорила она, наклоняя свою золотистую голову к корсажу, к которому были прикреплены белые гардении с каплями воды на лепестках.

Алва Скаррет попросил её выступить на митинге рабочих активистов. Это было очень ответственное собрание, целью которого было привлечь как можно больше подписчиков среди рабочих. Она сказала на митинге:

– Семья на первом этаже не платит за квартиру, а их дети не могут ходить в школу, так как им нечего одеть. У отца же открытый счет в пивной. Он вполне здоров и имеет постоянный заработок. На четвертом этаже живет семья, в которой отец ни разу в жизни не работал в течение целого дня и не собирается. У них 9 детей, которые живут на средства прихожан. Скоро будет десятый.

Когда она кончила, раздалось несколько жидких хлопков. Она подняла голову и сказала: – Вы можете не хлопать. Я на это не рассчитывала.

Придя домой, она застала Алву Скаррета, который её ждал. Он смотрел на неё с удовольствием, хотя давно перестал за ней ухаживать, поняв бессмысленность этого. Он только иногда позволял себе задерживать её руку в своей чуть дольше обычного.

Доминика подошла к стеклянной стене. За ней был виден город, он казался фреской, предназначенной для того, чтобы завершить убранства комнаты. Линии спицей гармонировали с хрупкими очертаниями мебели.

– Ну, как все прошло? – спросил Скаррет.

– Как я и ожидала, – ответила Доминика, бросая шляпу на стул.

– А у меня для тебя новости, детка. Я придумал создать отдел благосостояния женщин, и хочу поручить его тебе.

– Спасибо, Алва, но я не хочу делать карьеры.

– Но ты же не собираешься всю жизнь возиться со своей колонкой.

– Не всю жизнь. Пока мне это не надоест.

– Нет, ты только подумай, что Вайнэнд сможет сделать для тебя, если ты обратишь на себя его внимание!

– А я не хочу обращать на себя его внимание.

И она показала ему текст своей речи на митинге. Он пришел в ужас и срочно позвонил в типографию, чтобы её не отдавали в набор. Он велел лишь вскользь упомянуть о собрании, не

называя имени оратора.

– Я уволена? спросила Доминика, когда он положил трубку.

– А ты этого хочешь?

– Мне все равно.

– Послушай, Доминика, почему ты всегда делаешь подобные вещи?

– Просто так.

– Зачем тебе надо было говорить все это на собрании?

– Но ведь это правда.

– Конечно, но ведь ты могла выбрать другой случай для этого.

– Тогда бы это не имело смысла.

– А сейчас это имело смысл?

– Нет. Но это было забавно.

– Скажи мне, Доминика, как другу, чего ты хочешь?

– Разве это не видно? Ничего не хочу.

Он беспомощно развел руками. Доминика улыбнулась.

– Алва, ну почему у тебя такой траурный вид? Я тоже отношусь к тебе как к другу. Даже больше – мне нравится с тобой разговаривать. Так что садись, и я принесу тебе что-нибудь выпить. Когда она подала ему стакан, он сказал:

– Доминика, ты ведешь себя как дитя.

– Конечно, – ответила она. – Это именно то, что я есть. Затем она села на край стола, откинулась на вытянутые руки и, покачивая ногами, сказала:

– А знаешь, Алва, было бы ужасно, если бы я занималась любимой работой.

– Ну вот, еще одна глупость! Что ты хочешь сказать?

– То, что сказала. Было бы ужасно, если бы я занималась любимой работой и боялась её потерять.

– Почему?

– Потому что тогда я зависела бы от тебя, хотя ты и прекрасный человек. Я зависела бы от нашего босса Гейла – я уверена, что он великий человек, но я предпочитаю никогда с ним не сталкиваться.

– Что навело тебя на такие мысли? Ты прекрасно знаешь, что и Гейл, и я все бы сделали для тебя, а я лично...

– Дело не в этом, Алва. Не в тебе одном. Если бы я нашла работу или даже человека, которого я бы полюбила, я должна была бы зависеть от всего мира. Все на свете взаимосвязано. Мы все связаны друг с другом. Мы в сети, она поджидает нас, и стоит нам хоть раз что-нибудь захотеть – мы попадаем в неё. Например, ты хочешь что-то очень важное для себя. Разве ты можешь предвидеть, кто может вырвать это у тебя из рук? Ты не можешь этого знать. Этот человек, или обстоятельство могут быть далеко от тебя, но они всегда наготове, и ты их боишься. И ты пресмыкаешься, и ползаешь, и умоляешь – лишь вы они не лишили тебя этого.

– Если я правильно тебя понял, ты критикуешь человечество вообще.

– А что такое человечество вообще? Когда мы произносим эти слова, нам представляется что-то большое и значительное. Но, фактически, это те люди, с которыми мы встречаемся в жизни. Посмотрите на них. Многих вы знаете, о ком вы могли бы так думать? Ведь кругом одни домохозяйки, торгующиеся с продавцами, сопливые дети, которые пишут на тротуарах ругательства, и пьяницы. Людей можно уважать, если они способны страдать. В этом случае у них сохраняется человеческое достоинство. Но вы наблюдали когда-нибудь за людьми в момент веселья? Вот когда проявляется вся их сущность. Посмотрите на тех, кто тратит деньги, заработанные потом и кровью, на представлениях и в парках! Или на тех, кто богат, и кому все

доступно! Обратите внимание, чем они наслаждаются. Посидите с ними в пивных. Вот оно ваше «человечество вообще»!

– Но это же ерунда? Это неправильный взгляд на вещи. Даже в самом плохом из нас есть что-то хорошее. И всегда есть лучшее будущее!

– Тем хуже. Разве можно спокойно относиться к тому, что человек, совершивший геройский поступок, ходит развлекаться на дурацкие водевили? Или узнать, что человек, написавший великолепную картину, спит с каждой проституткой?

– Чего же ты хочешь? Совершенства?

– ... или ничего. Вот почему я предпочитаю ничего.

– Но это же чушь!

– Я позволяю себе единственное желание, которое для меня возможно. Свобода, Алва, свобода.

– Ты называешь это свободой?

– Да. Свобода ничего не просит. Ничего не ожидать, ни от чего не зависеть.

– А что будет, если ты найдешь то, что хочешь?

– Я не найду этого – я предпочту этого не увидеть. Это будет частица вашего очаровательного мира. Я должна буду делить это со всеми вами – и я не хочу этого. Ты знаешь, я никогда не открываю второй раз хорошую книгу, которую я прочла и полюбила. Мне больно сознавать, что её читали другие глаза, потому что я не знаю, чьи это были глаза. Такие вещи нельзя делить. Во всяком случае, с такими людьми.

– Доминика, но это ненормально, это ужасно так относиться ко всему.

– А я могу только так. Или совсем никак.

– Доминика, дорогая, – сказал он с искренней озабоченностью, – мне жаль, что не я твой отец. Какую трагедию ты пережила в детстве?

– Трагедию? Никакой, у меня была совершенно безоблачное детство. Свободное, мирное. Никто мне не надоедал. Правда, мне самой часто все надоедало. Но я привыкла к этому ощущению.

– Мне кажется, что ты просто несчастный продукт нашего времени. Мы слишком циничны, слишком упаднически настроены. Если бы мы покорно вернулись назад к простым добродетелям...

– Алва, перестань, это годится только для твоих редакционных... Она замолчала, увидев, что он уязвлен. – Прости, Алва, я неправа, ты действительно веришь во все это. Поэтому я тебя и люблю. И люблю говорить с тобой о таких вещах. А ты знаешь, Алва, что первобытные люди делали статуи богов по образу человека? Интересно было бы увидеть твою статую... Ты – обнаженный, с этим животом и всем прочим...

– Боже, Доминика, какое это имеет отношение...?

– Никакого, прости меня... Просто я люблю статуи обнаженных мужчин. Да не смотри на меня так. Я же сказала – статуи. Я не имею в виду никого конкретно. У меня была одна статуя. Гелиоса. Я достала её в одном музее в Европе. Это было страшно сложно. Она не продавалась, но я сумела уговорить их. Мне кажется, я была влюблена в неё, и я привезла её сюда.

– Где же она? Мне бы хотелось увидеть что-нибудь, что тебе нравится.

– Её нет. Я её разбила. Чтобы больше её никто не видел...

– Доминика!

Она качнула головой, отгоняя воспоминание.

– Прости, дорогой, я не хотела тебя шокировать.

Она легко соскочила со стола.

– Иди домой, Алва. Уже поздно. Завтра увидимся.

Гай Франкон делал все возможное, чтобы сблизить Питера Китинга с Доминикой. Китинг никогда не признался бы, что он настойчиво пытался увидеться с Доминикой, но безрезультатно. Он давно получил от Франкона её номер телефона, и часто звонил ей. Она всегда разговаривала с ним весело и говорила, что конечно ей придется увидеться с ним, но в ближайшие недели она будет очень занята, так что пусть он позвонит в начале следующего месяца.

Наконец Франкон сказал Китингу, что он собирается пригласить его и Доминику позавтракать вместе с ним в ресторане. «Но она, наверно, откажется». Но Доминика снова удивила его: она приняла его приглашение сразу и очень охотно.

Встретившись с ним у входа в ресторан, она улыбалась так, как будто это было воссоединение, которое она приветствует. Она разговаривала с Питером легко и свободно, как со старым другом, и Питер недоумевал, почему он когда-то её боялся.

Через полчаса Франкон, сославшись на занятость, постарался оставить их одних.

– Не волнуйся, папа, – сказала Доминика, – я сегодня свободна весь день, и тебе нечего бояться, что я от него убегу...

Она пристально глядела на него, и её глаза были слишком приветливы. Франкон поспешил уйти. Доминика повернулась к Китингу. Её мягкая улыбка могла означать только презрение.

– Не смущайтесь, – сказала она, – ведь мы оба знаем, чего хочет отец. И меня это тоже не смущает. Просто чудесно, что вам удалось заставить его сделать, как вы хотели. Но вряд ли вам полезно всегда пользоваться его помощью. И давайте завтракать.

Питеру хотелось немедленно встать и уйти, но он понимал, что не может себе это позволить.

– Не обижайтесь, Питер. Кстати, можете называть меня Доминикой. Рано или поздно, мы все равно придем к этому. Очевидно, мне придется часто с вами встречаться – ведь я встречаюсь со многими людьми, и если отцу нравится, что я с вами встречаюсь – почему бы нет?

Простота и свобода, с которой держалась Доминика, ясно говорила, что это знакомство вряд ли будет развиваться в желаемом для него направлении. С каждой минутой он понимал, что она нравится ему все меньше и меньше. Но он следил за движением её губ, на то, как она скрещивала ноги, на её мягкие и скупые жесты, и не мог сдержать своего восхищения, подобного тому, которое он испытал, увидев её впервые.

Расставаясь, Доминика спросила:

– Вы не пригласите меня сегодня в театр, Питер? Не важно, на какую пьесу. Позвоните мне после обеда. И скажите об этом отцу. Он будет доволен. Хотя поймет, что обольщаться не следует. И я тоже не обольщаюсь. Ведь у вас нет ни малейшего желания идти в театр или встретиться со мной.

– Никакого.

– Вы начинаете мне нравиться, Питер. Позвоните мне в половине девятого.

Когда Китинг вернулся в контору, Франкон сразу же позвал его в свой кабинет.

– Ну как?

– В чем дело, Гай? – невинным голосом спросил Питер. – Почему вы так беспокоитесь?

– Дело в том... Я просто... Я думаю, что ты сможешь хорошо на неё повлиять. Так что произошло?

– Собственно, ничего. Мы хорошо позавтракали, а вечером мы идем в театр.

– Не может быть! Как тебе удалось её уговорить?

– Я же говорил вам, что Доминику не следует бояться.

– О, уже «Доминика»? Поздравляю, Питер... Я не боюсь. Я просто не могу её понять. Никто

не может подобрать к ней ключи. У неё никогда не было ни одной подружки, даже в детстве. Вокруг нее всегда толпа, но у неё нет ни одного друга, я не знаю, что и думать. Она живет одна. И всегда окружена толпой мужчин и...

– Вам нечего опасаться, Гай.

– Я не опасюсь... Как раз наоборот. Ей уже 24 года, а она все еще невинна. Я знаю это наверняка. Поглядев на женщину всегда можно это определить. Я не моралист, Питер, и я считаю это ненормальным. Это просто неестественно в её возрасте с её внешностью, при той совершенно неограниченной свободе, которая ей предоставлена. Я молю Бога, чтобы она вышла замуж. Честно... Ты, конечно, не передавай ей этого и пойми меня правильно. Я ни на что не намекаю.

– Конечно, я понимаю.

– Между прочим, Питер, звонили из госпиталя, и оказали, что Хейер поправляется.

Все это время Китинг всем давал понять, что его очень волнует здоровье Хейера, но он ни разу не навестил его в больнице.

– Я очень рад, – ответил Китинг.

– Но я не думаю, что он сможет когда-либо вернуться на работу. Он слишком стар и вряд ли сможет справиться с делами. Да... всех нас это ждет – раньше или позже. Но я думаю, что очень скоро наша фирма станет называться «Франкон и Китинг».

Последнее время Питер часто встречался с Доминикой. Она всегда соглашалась пойти с ним куда-нибудь. Порой ему казалось, что подобная уступчивость с её стороны была лишним доказательством того, что ей легче было игнорировать его, встречаясь с ним, чем не встречаясь. Но каждый раз, расставаясь с ней, он жаждал следующей встречи. Он не видел Кэтрин уже больше месяца.

И вот в тот вечер, когда он вернулся с очередного свидания с Доминикой и неохотно отвечал на настойчивые расспросы матери, к нему пришла Кэтрин. Она была очень взволнована. Она говорила что-то совершенно невнятное о своих страхах и опасениях. Она попросила Питера жениться на ней сразу, сейчас, не откладывая это на такой долгий срок, какой они наметили.

Питер был удивлен, но сказал, что, если она этого хочет, они поженятся хоть сегодня. Но что же все-таки случилось?

– Ничего. Сейчас уже все прошло. Ты можешь подумать, что я ненормальная. У меня внезапно возникло чувство, что мы с тобой никогда не поженимся, что со мной происходит что-то страшное, от чего я должна спастись.

Питер сказал, что она просто переработала. В последнее время она слишком усердно трудилась над рукописями своего дядя. У нее совершенно не оставалось времени на себя. Он даже отсоветовал ей поступать в колледж.

Кэтрин призналась, что она боится дядю, хотя он не сказал ей ни одного грубого слова.

После того, как Кэтрин ушла. М-с Китинг стала отговаривать Питера. Она говорила ему какое его ждет будущее и какая ему нужна женщина, достойная быть с ним на приемах, в обществе, способная принимать гостей. Кэтрин же слишком проста для него. Он скоро начнет её стесняться.

Она советовала ему обратить серьезное внимание на Доминику. Конечно, Доминика будет гораздо менее приятной невесткой, чем Кэтрин, но она была готова пожертвовать собой ради счастья единственного сына.

Питер сказал, что Доминика никогда не захочет выйти за него замуж.

М-с Китинг стала упираться на то, что Гай Франкон явно хочет брака своей дочери о Китингом. И если Питер отвергнет его дочь ради какой-то простушки, тот не простит ему этого.

Тогда прощай, карьера, прощай, фирма «Франкон и Китинг».

Наконец, зачем так спешить?! Можно подождать месяц, пока умрет компаньон Франкона, а тогда, уже будучи совладельцем фирмы, Питер сможет жениться на ком хочет.

На следующий день, как было условлено, Питер пришел к Кэтрин. Они вышли на улицу. Питер поведал Кэтрин о своих видах на фирму Франкона и просил её подождать месяц.

Кэтрин охотно согласилась.

Питер пошутил:

– А ты не боишься, что дочь Франкона может отбить меня у тебя?

Она засмеялась.

– Ой, Питер, я слишком хорошо тебя знаю.

– Но если ты хочешь сейчас...

– Нет. Так даже будет лучше. Видишь ли, дядя Элсворс будет этим летом читать курс лекций в Университете на Западе. И мне было бы даже неловко перед ним, что я так неожиданно бросаю всю работу. И потом мы еще так молоды. Пожалуй, действительно, разумней отложить.

– Да, подождем немного, совсем немного.

– Хорошо, Питер.

Вдруг он сказал резко и горячо:

– Кэтти, заставь меня сделать это сейчас.

И тут же рассмеялся, как будто он пошутил.

Он ушел, испытывая одновременно отчаяние и облегчение, ругая себя за то, что он упустил свой единственный шанс быть счастливым, что для них что-то на этом кончилось, что они оба сдались.

Кэтрин стояла посреди комнаты и не понимала, почему у неё так пусто и холодно внутри, почему до этого момента она не знала, что в глубине души она надеялась, что он заставит её пойти регистрироваться. Затем она пожала плечами и вернулась к прерванной работе.

Однажды к Роурку подошел незнакомый человек и спросил, не он ли тот архитектор, который отстроил дом для Хеллера.

Он предложил Роурку построить для него заправочную станцию. Роурк построил её из стекла и бетона. Это было здание, в котором не было углов – сплошные закругленные линии.

За этим последовали долгие месяцы вынужденного безделья. Он ежедневно приходил в контору и сидел там с утра до вечера, так как знал, что должен был сидеть там.

– Тебе надо научиться обращаться с клиентами, Говард, – посоветовал ему однажды Остен Хеллер.

– Я не могу.

– Почему?

– Я не знаю, как это делается. Я родился без этого навыка.

– Этот навык приобретается в процессе жизни.

– У меня нет органа, приспособленного для этой цели. И потом я не люблю людей, к которым я должен искать подход.

– Но ты не можешь вот так бездействовать. Ты должен сом искать заказы.

– Что я должен говорить людям, чтобы получить заказ? Я могу только показать им свою работу. Если они не поймут этого, они не поймут и того, что я им скажу. Да у меня и нет желания говорить им что-нибудь.

– Что же ты собираешься делать? Тебя не беспокоит сложившаяся ситуация?

– Нет. Я это предвидел. Я жду.

– Чего?

– Тех самых «моих» людей.

– Что это за люди?

– Я не знаю. Вернее, знаю, но не могу объяснить. Есть какой-то один общий принцип, но я не могу понять, какой.

– Честность?

– Да... но только частично. Гай Франкон – честный человек, но это не то. Мужество? Ральф Холькомб – по-своему мужественный человек. Не знаю... Я узнаю «моих» людей по лицам. Что-то есть в их лицах... Тысячи людей будут проходить мимо вашего дома и заправочной станции, и если один из этой тысячи остановится и станет смотреть – это все, что мне нужно.

– Значит, тебе нужны люди, Говард?

– Конечно. Почему вы смеетесь?

– Я всегда считал тебя самым необщительным человеком на земле.

– Мне нужны люди, чтобы получать от них заказы. Я не строю мавзолеев. Неужели вы думаете, что они нужны мне для каких-нибудь других целей? Или, может быть, в личном плане?

– Тебе никто не нужен в сугубо личном плане?

– Нет.

– Ты даже не пытаешься прихвастнуть?

– Зачем?

– Ты просто не можешь. Ты слишком высокомерен, чтобы хвастать.

– Вы так считаете?

– А разве ты не знаешь себя?

– Нет. Во всяком случае, не в той степени, в какой вы или кто-либо другой знаете меня.

Хеллер молча закурил. Засмеявшись, он сказал:

– Это типично.

– Что типично?

– То, что ты даже не спросил, что я думаю о тебе. Другой бы обязательно любопытствовал.

– Простите. Это не безразличие. Вы один из немногих, чьей дружбой я дорожу. Просто мне не пришло в голову,

– Я понимаю. В этом-то и весь фокус. Ты ужасно эгоцентричная скотина, Говард. Причем ты даже сам этого не понимаешь.

– Это правда.

– Меня крайне удивляет одна вещь в тебе. Ты самый холодный человек, которого я когда-либо встречал, и в то же время, общаясь с тобой, я начинаю ощущать приток жизненных сил.

Роурк провел много месяцев в своей конторе без работы. Все это время он читал и думал.

Наконец, телефон ожил.

Через час перед Роурком сидела маленькая смуглая женщина в норковом манто. Она сказала, что была поклонницей Остена Хеллера и следовала за ним по пятам. Ей нужен дом, построенный тем же архитектором, который строил дом для Остена Хеллера. Дом должен быть в стиле английских Тюдоров.

Оказалось, что она даже не видела дома Хеллера.

Несмотря на острую нужду, Роурк отказался строить ей дом. Так было еще с несколькими заказчиками.

Наконец Роурка вызвали в одну очень крупную кампанию, которая предложила ему построить для них административное здание.

Роурк произнес перед правлением компании целую речь о том, что он считает подлинной красотой. Он долго пытался убедить их в том; что греческие колонны и корзины с фруктами по меньшей мере глупо на современных административных зданиях из стали. Ему отказали в заказе.

Джон Фарго проезжал мимо заправочной станции. Он навел некоторые справки, после чего, подкупив служанку Хеллера, которая в отсутствие хозяина показала ему его дом, он получил всю необходимую информацию о Роурке.

Так был построен магазин Фарго.

Затем Роурк построил дом для м-ра Санборна. Когда дом был почти готов, Роурку не понравился вид восточного крыла. Он нашел у себя ошибку и велел перестроить эту часть дома. Всю стоимость перестройки он оплатил из той суммы, которую он получил за этот дом. Это было даже больше, чем он получил.

Когда дом был готов, жена Санборна отказалась в нем жить. Она забрала мужа и детей и уехала на зиму во Флориду.

В бюллетене Американского Союза Архитекторов появилось сообщение о том, что дом, построенный неким Говардом Роурком, оказался непригодным для жилья. «Он стоит необитаемый и служит очевидным доказательством профессиональной некомпетентности его создателя».

Компаньон Франкона никак не умирал. Тогда Китинг решил помочь ему в этом. Он разыскал где-то подделанные счета, опубликование которых могло погубить репутацию Хейера как архитектора, и пришел к нему домой. Китинг настаивал, чтобы Хейер добровольно вышел из фирмы. Тот отказывался. Питер грозил послать эти счета в Американский Союз Архитекторов. Хейер так разволновался, что его хватил второй удар, на этот раз смертельный.

Питер решил принять участие в конкурсе на лучший проект Космо Слотник Билдинг – в Голливуде. В этом здании должны были разместиться на 40 этажах различные конторы, а внизу – огромный кинотеатр.

Он снова пришел к Роурку за помощью. Роурк сам не принимал участия в этом конкурсе. Он сказал, что вообще никогда не участвует ни в каких конкурсах.

Просмотрев все чертежи, он оказал, что они совершенно негодны, и затем Питер в течение многих часов следил за тем, как они преобразуются под рукой Роурка. Было уже утро, когда Роурк закончил. Питер был потрясен. Дома он тщательно скопировал все, что сделал Роурк и послал на конкурс за своей подписью.

Всю зиму Роурк сидел без заказов. В конце марта он прочел в газете о том, что Роджер Энрайт предполагает построить ряд жилых зданий нового типа с изолированными входами в каждую квартиру. Энрайт был миллионером. В своем заявлении газете он сказал, что его дом не должен быть похож ни на одно существующее здание. Он уже отверг проекты многих известных архитекторов.

Роурк почувствовал, что газета обращается к нему лично. Он пришел к секретарю Энрайта. Тот со скучающим видом просмотрел несколько фотографий зданий Роурка и заявил, что м-ру Энрайту это не подойдет.

В начале апреля некий м-р Вейдлер заказал Роурку проект нового здания для Манхэттен Бэнк Компани. Проект должен был быть представлен на рассмотрение членов правления.

Вейдлер заверил Роурка, что это верное дело, и что они на него полагаются полностью.

Камерон снова почувствовал себя хуже. Доктор предупредил сестру, чтобы она приготовилась к худшему. Но она не поверила. Наоборот, ей казалось, что лежащий в постели Камерон выглядят почти счастливым -слово, которое раньше она никогда не ассоциировала со своим братом. Она испугалась только тогда, когда однажды вечером он сказал ей, чтобы она позвонила Роурку и попросила его придти. Все три года, прошедшие со времени своей отставки, он никогда не звонил Роурку, он просто ждал, когда тот придет.

Роурк приехал через час. Он сидел рядом с кроватью Камерона, и Камерон разговаривал с ним, как будто ничего не случилось. Он не упомянул о приглашении и не объяснил его. Когда стемнело, он позвал сестру и сказал: «Постели Говарду на кушетке в гостиной. Он останется здесь». Роурк посмотрел на Камерона и все понял. Он наклонил голову в знак согласия.

Роурк оставался в доме в течение трех дней. Его присутствие здесь воспринималось как совершенно естественное событие, не требующее комментариев. Мисс Камерон тоже все поняла.

Камерон не хотел, чтобы Роурк постоянно находился в его комнате. Временами он говорил: «Пойди, погуляй по саду, Говард. Там чудесно, трава уже появилась.» И в окно он видел фигуру Роурка, бродившего среди еще голых деревьев. Он только попросил Роурка есть вместе с ним. Ему доставляло удовольствие ощущение семьи.

Вечером третьего дня, Камерон лежал на подушках, разговаривая как обычно, но чувствовалось, что ему стало трудно говорить и поворачивать голову. Роурк слушал и старался не показывать, что понимает, что происходит в ужасные паузы между словами Камерона.

Камерон рассуждал о будущем строительных материалов.

– Следи за промышленностью легких металлов, Говард... Через несколько... лет... ты увидишь, что они будут делать потрясающие вещи... Следи за производством пластмасс... это совершенно новая эра... в строительстве... Они дадут возможность... получить новые формы... ты должен... постараться развить все их возможности...

Через некоторое время он остановился и некоторое время лежал с закрытыми глазами. Потом Роурк внезапно услышал его шёпот:

– Гейл Вайнэнд...

Роурк наклонился ниже, и, пораженный, услышал:

– Из всех людей сейчас... я ненавижу только Гейла Вайнэнда... Нет, я никогда его не видел... Но он олицетворяет для меня все омерзительное, что... есть на свете... всю невыносимую вульгарность... Именно против него ты должен бороться, Говард.

Затем он недолго замолчал. Когда он снова открыл глаза, на его лице была улыбка. Он сказал:

– Я знаю, что происходит сейчас у тебя в конторе. – Роурк никогда не говорил ему об этом. – Нет, не отрицай... ничего не говори... я знаю. Но это ничего... не бойся... Ты помнишь тот день, когда я пытался тебя уволить?... Забудь, что я сказал тебе тогда... Не бойся... Моя жизнь была прожита не зря...

Голос изменил ему. Он лежал молча и спокойно смотрел на Роурка. Через полчаса он умер.

Китинг часто встречался с Кэтрин. И не менее часто с Доминикой.

Доминика внимательно наблюдала за ним. Он вполне устраивал её в качестве спутника на случай незанятого вечера.

Временами Китинг забывал о том, что она – дочь Франкона. Он забыл все первоначальные причины, по которым он хотел с ней познакомиться. Сейчас ему не нужна была её помощь в

продвижении. Он просто хотел её. Одно её присутствие вызывало у него желание овладеть ею. Но в то же время он чувствовал себя с ней беспомощным. Он не мог допустить мысли, что женщина может быть к нему равнодушной. Но он не был уверен даже в её безразличии. Он выжидал, он старался предугадать её настроение и вести себя с ней так, как ей хочется. Но все его догадки оставались без ответа.

Однажды на балу он попробовал во время танца прижать её сильнее, чем обычно. Он знал, что она заметила это и поняла. Но она не отстранилась. Она смотрела на него неподвижным взглядом, словно ожидая чего-то. Надевая на нее шубу, он провел рукой по её оголенному плечу. И снова она не отстранилась. Она ждала. Они вместе пошли к такси.

В такси она сидела молча. Прежде она никогда не считала его присутствие настолько значительным, чтобы молчать. Она сидела, положив ногу на ногу, плотно завернувшись в шубу. Её длинные пальцы отбивали на колене ей одной слышный ритм. Он подвинулся к ней и обнял её. Она не сопротивлялась, только пальцы её замерли. Он прижался губами к её волосам. Это не был поцелуй. Просто его губы в течение долгого времени как бы отдыхали на её волосах, как бы найдя свое успокоение.

Когда такси остановилось, он прошептал:

– Доминика... разрешите мне подняться к вам... только на несколько минут...

– Да, – ответила она. Это слово было безжизненным, ровным, безличным. В нем не звучало приглашения. Но раньше она никогда ему не позволяла этого. Он следовал за ней. Сердце у него стучало.

Когда она вошла в квартиру, была какая-то доля секунды, когда она остановилась в ожидании. Он глядел на неё беспомощно, в смятении от счастья. Он заметил паузу только тогда, когда она уже двигалась по направлению к гостиной. Он бросился к ней:

– Доминика... Доминика... Как ты хороша... Я люблю тебя. Не смейся надо мной, пожалуйста, не смейся! Жизнь... всю мою жизнь... Все, что ты только пожелаешь... Доминика, я люблю тебя...

Он покрыл поцелуями её лицо. Она сидела неподвижно, как неживая. Он с силой поцеловал её в губы. Но тут же выпустил её из объятий и в ужасе отшатнулся. Это нельзя было назвать поцелуем. Он держал в своих объятиях не женщину. Она не ответила на его поцелуй. Она не попыталась обнять его. Это не было отвращением – он бы понял. Он мог бы держать её в своих объятиях вечно или тут же отпустить, поцеловать еще раз или даже позволить себе большее – её тело просто не заметит этого. Она смотрела на него, мимо него. Она видела, что с пепельницы упал окурок, протянула руку, взяла окурок и положила его обратно в пепельницу.

– Доминика, – прошептал он. – разве ты не хотела, чтобы я тебя поцеловал?

– Хотела. – Она не смеялась над ним. Она отвечала просто и беспомощно.

– Разве тебя никто раньше не целовал?

– Целовали. Много раз.

– И ты всегда так реагируешь?

– Всегда. Именно так.

– Почему же ты хотела, чтобы я тебя поцеловал?

– Я хотела попробовать.

– Ты бесчувственная, Доминика.

– Мне кажется, что я одна из тех женщин, которых мужчины называют холодными. Прости меня, Питер. У тебя нет соперников, но это распространяется и на тебя. Разочарование, милый?

– Ты... это придет... когда-нибудь...

– Я уже не так молода, Питер. Двадцать пять лет. Наверно, это очень хорошо, спать с женщиной. Мне бы хотелось хотеть этого. Мне бы даже хотелось стать распутной женщиной.

Эмоционально я готова к этому, но практически...

– Доминика, неужели ты никогда не была влюблена? Ну хоть немного?

– Нет. Я честно старалась влюбиться в тебя. С тобой у меня было бы все спокойно. Но видишь? Я ничего не чувствую. Я не чувствую никакой разницы между тобой, Альвой Скарретом или Хейером.

Он встал. Ему не хотелось смотреть на неё. Он забыл о своей страсти к ней и о её красоте. Он помнил только, что она дочь Франкона.

– Доминика, ты выйдешь за меня замуж?

Он знал, что должен сказать это сейчас, потому что позже он уже никогда не сможет произнести этих слов. Его чувства к ней уже не имели никакого значения, он не мог позволить им помешать его будущей карьере. А его чувство к ней сейчас граничило с ненавистью.

– Ты говоришь это серьезно? – спросила она.

Он повернулся к ней. Он говорил легко и быстро. Он лгал сейчас, и он знал это. Поэтому ему было легко.

– Я люблю тебя, Доминика. Я без ума от тебя. Дай мне шанс. Если у тебя никого нет другого, то почему бы и нет? Ты научишься любить меня, потому что я понимаю тебя. Я буду терпелив. Я сделаю тебя счастливой.

От неожиданности она вздрогнула, а потом от души рассмеялась. Она смеялась, откинув назад голову, и это было еще более оскорбительно для него, чем если бы она смеялась горько или издевательски. Ей было просто весело.

Затем она внимательно посмотрела на него и очень серьезно сказала:

– Питер, если я когда-нибудь захочу наказать себя за что-нибудь ужасное, если я захочу наказать себя самым отвратительным способом, я выйду за тебя замуж. – И добавила: – Считай это обещанием.

– Я буду ждать тебя, что бы тобой ни руководило.

Она улыбнулась ему своей холодной веселой улыбкой, которая всегда наводила на него ужас.

– Право, Питер, ты не должен делать этого. Ты и так станешь компаньоном отца. А мы навсегда останемся хорошими друзьями. А теперь тебе пора домой. И не забудь, что ты пригласил меня на ипподром в среду. Спокойной ночи, Питер.

Питер возвращался домой в такой ярости, что если бы кто-нибудь предложил ему сейчас всю фирму «Франкон и Хейер» при условии, что он женится на Доминике, он бы отказался. Но в то же время он знал и ненавидел себя за это – что он не отказался бы, если бы это было предложено ему на следующее утро.

После смерти Хейера Китинг стал компаньоном Гая Франкона. Одновременно с этим пришла к нему и слава лучшего молодого архитектора Америки – он победил в конкурсе на лучший проект Космо Слотник Билдинг. О нем писали все газеты. Репортеры следовали за ним по пятам.

Однажды он встретил Доминику. Она холодно поздравила его с победой, но её колонка была единственной, где ни словом не упоминалось о конкурсе.

– Я еду в Коннектикут. У отца там дом, и я буду все лето жить в нем одна. Нет, Питер, ты не можешь приехать ко мне. Ни разу. Я специально еду туда, чтобы никого не видеть.

Питер был разочарован, но это не испортило ему его праздничного настроения. Он уже не боялся Доминики. Он был уверен, что когда она вернется осенью, он сможет заставить её изменить свое отношение к нему.

Только одна мысль отравляла ему радость. Он старался выбросить её из головы, но тщетно.

Наконец, решив раз и навсегда покончить с этим, он позвонил Роурку.

Роурк сидел в своей конторе около безмолвного телефона, ожидая звонка по поводу его проекта Манхэттен Бэнк Билдинг.

Он уже несколько месяцев не платил за контору. За квартиру тоже не было уплачено. Телефон каждую минуту могли отключить, так как и за него он давно не платил.

Вейдлер до сих пор не дал ответа. Правление компании не могло прийти к единодушному решению. Роурк ждал.

В это время и пришел к нему Китинг. В своем бежевом весеннем пальто нараспашку он выглядел очень нарядным.

– Что случилось, Говард? Ты выглядишь просто ужасно. Надеюсь, ты не переутомлен? Не переработал?

– Нет. Поздравляю тебя.

– Спасибо. Послушай, Говард, ну когда ты спустишься на землю? Почему бы тебе не начать работать, как все? Когда ты перестанешь быть идиотом? – Ему хотелось показать, что он не боится Роурка. И никогда больше не будет бояться. И его понесло. Он уже не мог остановиться.

– Как ты собираешься жить с людьми? Существуют только два способа – либо ты с ними, либо ты против них. Но ты, кажется, не делаешь ни того, ни другого.

– Ты прав.

– Но ведь люди тебя не хотят! Они не хотят тебя! Ты не боишься этого?

– Нет.

– Но ты уже год не работаешь. И не будешь. Кто даст тебе работу? У тебя осталось всего каких-нибудь несколько сотен – и тогда конец.

– Ты ошибаешься, Питер. У меня осталось 14 долларов и 57 центов.

– А посмотри на меня. Я не хвалюсь. Но ты помнишь, с чего мы начинали? Посмотри на нас теперь. Брось ты думать, что ты лучше всех, иди работать. Через год у тебя будет такая контора, что ты без стыда не сможешь вспомнить об этой дыре. У тебя будут клиенты, у тебя будут друзья. Говард, ты же видишь, что на этот раз мне ничего от тебя не надо. Я даже боюсь конкуренции с тобой, но как друг должен сказать это тебе. Подумай, Говард, ты станешь богатым, ты будешь знаменит, тебя будут уважать, хвалить, восхищаться тобой – ты будешь одним из нас! Ну!? Скажи же что-нибудь! Почему ты ничего не говоришь?

– Питер, я верю тебе. Я знаю, что, говоря это, ты не преследуешь никакой личной выгоды. Я даже знаю больше того. Я знаю, что ты не хочешь моего успеха – я не упрекаю тебя. Я всегда знал это. И ты понимаешь, что если я последую твоему совету, я буду иметь все то, что ты мне сулил. И это вовсе не от любви ко мне... Скажи, Питер, что тебя так сердит и пугает во мне таком, какой я сейчас?

– Не знаю, – прошептал Китинг.

Он понял, что этот ответ был признанием, и ужасным признанием.

Он не совсем понимал природу того, в чем он признавался, и чувствовал, что Роурк тоже не понимает. И поэтому они сидели молча, с удивлением глядя друг на друга.

– Приди в себя, Питер, – мягко сказал, наконец, Роурк, – и давай больше никогда не будем говорить об этом. Ну, а теперь, что ты хотел сказать мне о конкурсе?

Питер вздрогнул – как Роурк догадался?

– Ах, да, я действительно хотел поговорить с тобой об этом. Нетрудно было догадаться. Ты же знаешь, что я не какая-нибудь неблагодарная свинья. Я пришел отблагодарить тебя. Я не забыл, что ты для меня сделал. Ты действительно дал мне несколько полезных советов. И поскольку я сейчас получу много денег, я хотел бы дать тебе часть из них, тем более, что ты

сейчас так нуждаешься.

Он вынул чековую книжку, вырвал оттуда чек, который он заранее приготовил, и положил его на стол. На чеке было написано: «Уплатить предъявителю сего, Говарду Роурку, 500 долларов».

– Спасибо, Питер, – сказал Роурк, беря чек. Затем он перевернул его, взял ручку и написал на обороте: «Уплатить Питеру Китингу», подписался и отдал чек Питеру.

– Это моя взятка тебе, Питер, – сказал он. – За то же самое. Чтобы ты молчал.

Китинг смотрел на него с недоумением.

– Это все, что я могу тебе сейчас предложить, – сказал Роурк. – Но я действительно хочу, чтобы никто не знал о моей причастности к этому делу. Иди домой, Питер. Ты можешь не бояться. Я никому не скажу ни слова. Это все твое. И здание, и каждая его балка, и каждая ступенька лестницы, и каждая твоя фотография в газете. Питер вскочил. Его трясло от злости.

– Черт тебя возьми! Будь ты проклят! Кто, ты думаешь, ты такой? Ты считаешь себя слишком гениальным для этого здания? Хочешь, чтобы я стыдился его? Ты отвратительный, тщеславный ублюдок! Кто ты такой? У тебя не хватает ума признать себя неудачником, недоучкой, нищим! И ты еще берешься судить! Ты один против всей страны! Против всех! Почему я должен тебя слушать? Я не боюсь тебя! Ты не можешь мне ничего сделать! За меня весь мир! Не смотри на меня так! Я всегда ненавижу тебя! И всегда буду! И когда-нибудь я растопчу тебя, клянусь, я это сделаю!

– Питер, – сказал Роурк. – Зачем так выдавать себя?

Питер задохнулся. Он в изнеможении повалился на стул, свесив по бокам руки.

Наконец, он поднял голову и спросил:

– Господи, Говард, что я тут наговорил?

– Тебе лучше? Ты можешь идти?

– Говард, прости меня. Я потерял голову. Я просто устал. Я не хотел обижать тебя. Я не знаю, почему я говорил все это.

Он взял чек, зажег спичку и сжег его.

– Говард, давай забудем все. Если хочешь, я извинюсь.

– Тебе сейчас лучше уйти.

Выйдя за дверь, Китинг почувствовал облегчение. Он теперь точно и определенно знал, что ненавидит Роурка. Он уже не сомневался в этом. Он ненавидит Роурка. Почему? Неважно, почему. Важно, что он должен его ненавидеть. Ненавидеть слепо, терпеливо, беззлобно. Только ненавидеть и никогда ничего не забывать. Никогда.

Вейдлер, наконец, сообщил Роурку, что после долгой борьбы его проект принят, и он должен явиться на заседание правления компании.

Когда он пришел, ему предъявили одно условие: фасад здания должен быть слегка изменен. Спереди должен быть надстроен дорический портик, а на фасаде должны быть традиционные греческие украшения.

Роурк говорил долго. Он объяснял, почему его здание не может быть украшено в классическом стиле. Он объяснил, что честное здание, как и честный человек, должно быть цельным, и что одна маленькая фальшивая деталь может убить всю идею, лишит творение жизни. Роурк отказался изменять проект своего здания.

– О, господи! – воскликнул Вейдлер. – Вы понимаете, от какого выгодного заказа вы отказываетесь? Вы молоды. У вас никогда больше не будет такого случая. И вам нужно это сейчас! Я-то знаю, как вам это нужно!

Роурк собрал чертежи и вышел.

Он вернулся в свою контору, забрал все чертежные принадлежности, запер дверь и отдал ключ владельцу дома. Он заявил, что закрывает свою контору. Он отнес все вещи домой и отправился к Майку.

– Нет? – сразу понял Майк.

– Нет, – сказал Роурк.

– Что случилось?

– Я расскажу тебе как-нибудь в другой раз.

– Сволочи!

– Ничего, Майк.

– Как же теперь с конторой?

– Я закрыл ее.

– Навсегда?

– На время.

– Черт бы их всех побрал, Рыжий!

– Хватит, Майк. Мне нужна работа. Ты можешь мне помочь?

– Я?

– Я никого не знаю из строителей. Не знаю, кто бы мог меня взять. А ты их всех знаешь.

– Каких строителей? О чем ты говоришь?

– Я говорю о стройках. Я работал на них раньше.

– Ты имеешь в виду – простым рабочим?

– Да.

– Ты с ума сошел! Ты просто идиот!

– Кончай, Майк! Ты найдешь мне работу?

– Но какого черта?! Ты можешь найти себе хорошую чистую работу где-нибудь в архитектурном бюро.

– Я не хочу, Майк. С меня хватит!

– Почему?

– Я не хочу прикасаться к их чертежам. Не хочу видеть их. Я не хочу помогать им делать то, что они делают.

– Ты можешь найти работу в другой области.

– На хорошей чистой работе я должен буду думать. Я не хочу думать. Не хочу думать, как они. Куда бы я ни повел, это значило бы быть с ними. Я хочу такую работу, где мне не надо было бы думать.

– Архитекторы не работают просто рабочими.

– Это все, что этот архитектор может делать сейчас.

– Ты мог бы изучить что-нибудь за короткий срок.

– Я не хочу ничего изучать.

– Ты хочешь, чтобы я устроил тебя где-нибудь здесь, в городе?

– Именно.

– Не, катись к черту! Я не могу! Я не сделаю этого!

– Почему?

– Рыжий! Ты хочешь, чтобы все эти сволочи видели, до чего ты докатился? Чтобы эти сукины дети знали, до чего они тебя довели? Чтобы они все злорадствовали?

Роурк засмеялся.

– Мне наплевать на них, Майк. Почему это тебя так трогает?

– Ну а я не позволю тебе сделать из себя посмешище! Не доставлю им такого удовольствия!

– Майк, – мягко сказал Роурк. – У меня нет другого выхода.

- Черта с два! Есть! Я тебе еще раньше предлагал! И теперь ты будешь слушать, что тебе скажут умные люди. У меня есть деньги на первое время...
  - Майк, если ты еще когда-нибудь предложишь мне деньги, нашей дружбе конец.
  - Но почему?
  - Не спорь, Майк.
  - Но...
  - Я прошу тебя о гораздо большей услуге. Я хочу эту работу. Ты не должен меня жалеть.
  - Но... что будет с тобой, Рыжий?
  - Когда?
  - Я имею в виду твое будущее.
  - Я накоплю денег и начну все сначала. Или, может быть, кто-нибудь пошлет за мной еще раньше.
  - Ладно, Рыжий. – согласился Майк.
- После долгого молчания он сказал:
- Я не стану искать тебе работу в городе. Я не могу. У меня все внутри переворачивается при этой мысли. Но я найду тебе что-нибудь в этом духе в другом штате.
  - Хорошо. Что угодно. Мне безразлично.
  - Я знаю, что у этого негодяя Франкона есть каменоломни в Коннектикуте. Я когда-то у него работал. У меня там есть знакомый подрядчик. Он сейчас здесь, в городе. Ты когда-нибудь работал в карьере?
  - Один раз. Давно.
  - Думаешь, тебе это подойдет?
  - Вполне.
  - Я скажу ему, что ты мой друг. И больше ничего.
  - Спасибо, Майк. – Майк потянулся за своим пальто, но внезапно снова обратился к Роурку:
  - Рыжий...
  - Все будет хорошо, Майк.

Через два дня Роурк уехал в Коннектикут.

В тот же вечер в ресторане «Стар Руф» состоялся банкет в честь назначения Питера Китинга компаньоном Гая Франкона. Питер произнес речь:

– Мы все, собравшиеся здесь, служим одной великой цели. Может быть, самой великой и благородной. Мы многое достигли, и, может быть, часто ошибались. Но мы всей душой стремимся проложить путь нашим потомкам. Все мы лишь простые смертные, и мы только пытаемся нащупать этот путь. Но все лучшее, что в нас есть, мы отдаем поискам истины. Все, что есть в нас возвышенного, мы посвящаем этой задаче – найти правду. Это великая задача! За будущее американской архитектуры!